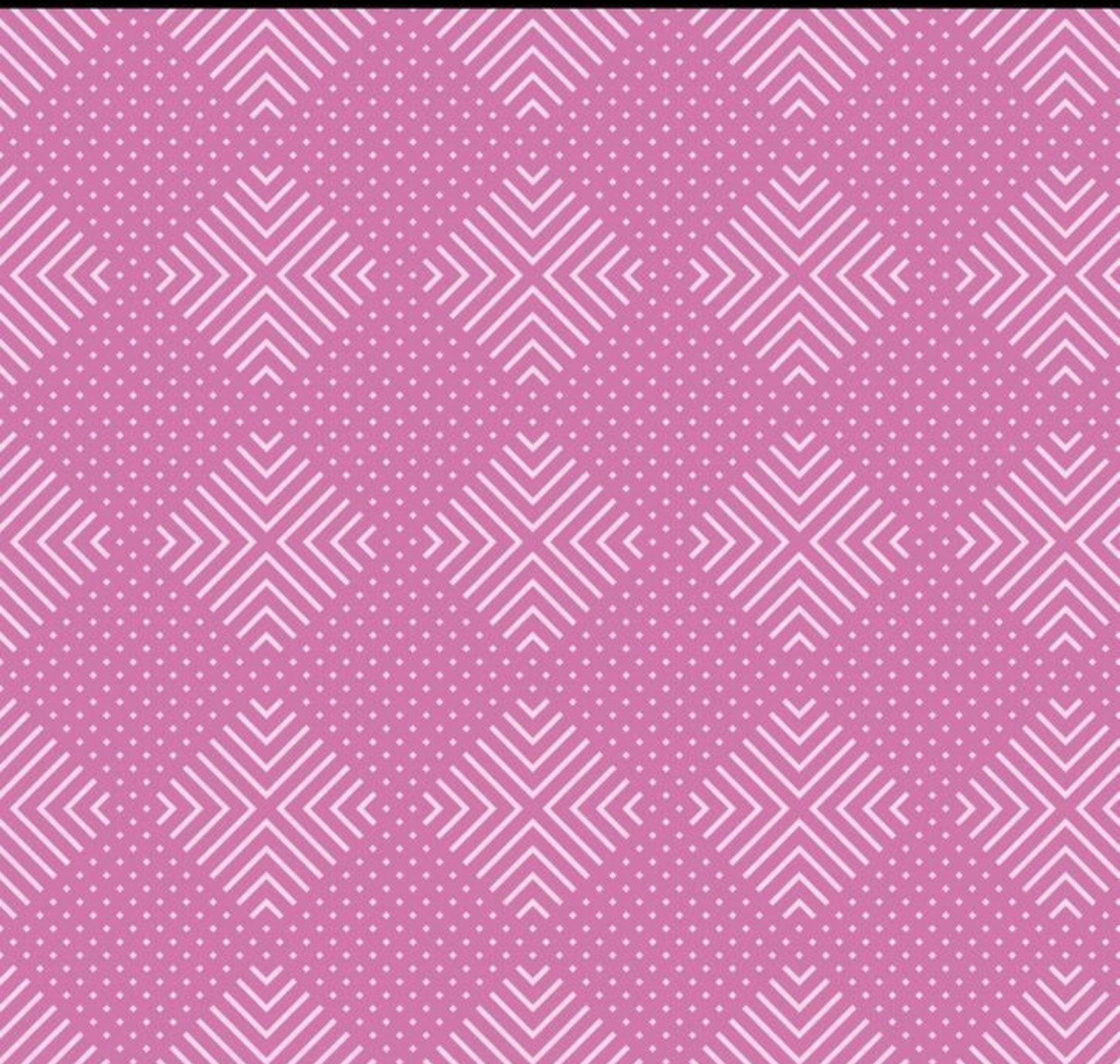

18+

ХАИМ КАЛИН

Багдад, до востребования

Хаим Калин

Багдад, до востребования

«Издательские решения»

Калин Х.

Багдад, до востребования / Х. Калин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988620-0

Декабрь 1990 г., объявленный Саддаму Хусейну ультиматум — вывести войска из Кувейта — истекает через считанные дни. Диктатор выбрасывает последнюю, шокирующую мировое сообщество карту: с началом военных действий Израиль будет обстрелян химическими боеголовками. Страна в панике, правительство закупает миллионы противогазов. Но разведка «Моссад» вскоре наталкивается на сенсационные факты, компрометирующие советского посла в Ираке Виктора Посувалюк, имеющего доступ к Саддаму Хусейну...

ISBN 978-5-44-988620-0

© Калин Х.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
БАГДАД, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	7
Хаим Калин	8
РОМАН	8
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	48
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Багдад, до востребования

Хаим Калин

© Хаим Калин, 2021

ISBN 978-5-4498-8620-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сюжет произведения – производное голого авторского вымысла. Любые совпадения с историческими фигурами и событиями – не более чем прием для подстегивания читательского интереса.

БАГДАД, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Хаим Калин

РОМАН

Глава 1

27 декабря 1990 года г. Тель-Авив, штаб-квартира внешней разведки «Моссад»

Дорон Биренбойм вовсю резвился, если не баловался: раскручивал стоящий на столе глобус и, закрыв глаза, правой ладонью наугад стопорил. Тотчас растопыривал два пальца, большой и указательный, но, рассмотрев сегмент, то и дело хмыкал. От Дорона удача явно отвернулась, ибо за добрую дюжину попыток, казалось, был обречен забраться в нужный квадрат.

На самом деле Дорон георужеткой не пробавлялся, как и не выбирал, точно бесшабашный юноша, маршрут на каникулы. В ближайшие полгода отпуск ему не светил, если не больше... Таким замысловатым способом глава оперслужбы испытывал свой ай-кью: воспроизводил в уме города из обнажавшихся регионов, притом что глобус – физический...

Ему фатально не везло: выпадала одна северная Канады да русское Заполярье. Между тем в Западной Европе – от Вены до Эдинбурга – он помнил координаты любого провинциального центра. Дорон уже подумывал, не заложен ли в кривой удаче недобрый знак, когда, спохватившись, взглянул на часы. Вскочил на ноги и, словно ртутный колобок, выкатился из кабинета, крикнув помощнику в приемной:

– Я – внизу!

Биренбойм засеменил по коридору в сторону лифта и, сблизившись, нажал на кнопку вызова. Переминался в нетерпении с ноги на ногу, своим видом, пухлого коротышки-живчика, чем-то напоминая попрыгивающий, отскочивший от стены мячик.

Лифт все не шел, застряв на верхних этажах. Дорон в сердцах топнул и устремился к лестнице. Вскоре зазвучали шлепки его обуви – «колобок» стремительно скатывался на цокольный этаж. Именно там, в полной герметике от внешнего мира, располагался кабинет директора, как и все прочие помещения «Моссада», табличкой не обозначенный...

– Он ждет, – почти неприязненно буркнул секретарь, будто за опоздание. Между тем до назначенной на десять утра аудиенции оставалось две минуты.

– Как всегда опаздываешь, Дорон... – отчитывал Моше Шавит, директор «Моссада», расхлябанность вовсе не подразумеваемая. В живущей по законам цейтнота Конторе так шутили.

– А как иначе? Спешка – движок для ловли блох! – подхватил местный жаргон Дорон. Уселся, опуская в задумчивости голову и смыкая руки на пухлом животе. Думал при этом не о служебных задачах, неподъемных с недавних пор, а об ударе в слове «Певек», городе русского Заполярья, вблизи которого оборвался тест ай-кью.

– Знаешь, что сказал мне Ицхак?* – спросил Моше Шавит, почесывая за ухом. Сей повадкой он, неумеха скрывать чувства, выдавал сумятицу мысли, а то и душевный раздрай.

– Догадываюсь... – невесело протянул Дорон, спустя мгновение вспомнив, что ударение все-таки на последнем слоге – так же, как в слове «Квебек». После чего заметно оживился: – Контора – мыс последней надежды!

– Именно. Только он сказал «рог» или нечто схожее...

– Рог, говоришь... – Дорон забурился в карман, расправляя смявшуюся ткань. Брюки, да и весь гардероб, давно следовало обновить – за последние два месяца он, пропадающий на работе сутками, сильно поправился.

– Ладно, рог-сапог! – жестко бросил шеф, устанавливая дистанцию. – Что принес? Учти, без скобок – лишь то, что на столе!

– Конечно, Моше! – заверил Биренбойм и воззрился на шефа. Между тем не проронил больше ни слова, будто заклинило. Любой сторонний наблюдатель изумился бы: его взгляд, по сути, обращен в самого себя, и Дорон вовсе не помышляет докладывать.

Тут Биренбойм вскочил на ноги и с гримасой мольбы заканючил:

– Босс, родненький, дай мне полчаса! Позарез!

Моше вытаращился, не беря в толк, что с главой оперотдела приключилось. Но вскоре, будто разобравшись, отмахнулся: иди, мол, с глаз долой. Придвинул какую-то бумажку, сердито уставился, но скорее, для виду. Кому-кому, а ему было известно, что «Золотой Дорон», как в Конторе звали Биренбойма за глаза, подразумевая его редкий КПД, – не тот парень, чтобы разыгрывать «путч живота» или прочий конфуз. Его и впрямь «клюнуло». Только не в прямую кишку, а в золотую головку. Подняв голову, директор подкрепил отмашку словами: «Давай-давай». И снова махнул – на сей раз плавно, от себя, в сторону выхода.

Спустя минуту Биренбойм влетел в свою приемную, распоряжаясь на ходу: «Досье Посувалюка ко мне!»

– Кого-кого? – Помощник приподнялся.

– Кэбэнынат! Ты что – оглох, Рафи?! Виктора Посувалюка – советского посла в Багдаде!

Русским Дорон владел в совершенстве, греша, правда, польским акцентом. Но употребив прародительский эквивалент, был бы не понят. Однозначно.

– А... Будет сделано! – Обогнув стол, помощник отправился в архив.

Вскоре Биренбойм перелистывал досье посла, неспешной собранностью выказывая: пухлая папка – всего лишь обертка, которую следует развернуть. Где-то, за бюрократическим хворостом, ценный экспонат, скорее всего, единственный. Все, что от него требуется, – не проморгай. Тем временем он чуть ухмылялся, размышляя: «Кресало озарения – сплав парадоксов. Не случись „холостых туров“ по русскому северу часом ранее, ни за что не додумался бы, по крайней мере, сегодня. А завтра – могло быть поздно...»

Наконец Дорон обнаружил искомый раздел и пристально его изучал. Одностраничный комментарий на английском – донесение московского резидента – лейб-опера не увлек, и он углубился в приложение – русский текст на двух страницах. Судя по затемненным краям, – ксерокопия из дела.

С интервалом в один день в перегруженной всякой всячиной голове Дорона отложились два факта: в сачок московской резидентуры попал компромат на Посувалюка, на первый взгляд, вещь бесполезная в диапозитиве решаемой службой генеральной задачи, и растиражированная сегодня утром масс-медиа новость о том, что Посувалюк – единственный посол, не покинувший осажденный Ирак. Что первая, что вторая депеша, по поступлении, Дорона даже не кольнули. «Выстрелило» через час, закольцевавшись через «Певек». Как всегда акценты...

Глава оперотдела потянулся к селектору и, нажав на кнопку «Приемная», обратился:

– С шефом соедини.

– А его нет! – огрел, точно пресс-папье, секретарь директора.

– То есть как нет? Условились ведь! – не верил своим ушам лейб-опер.

– Он вылетел как угорелый! Куда, думаю, догадываешься... – сослался на некие координаты помощник.

– Понял! – оборвал диалог Дорон, еще на «угорелый» догадавшись: шеф – у первого лица государства Ицхака Шамира, в надцатый за последний месяц раз.

С миной досады Биренбойм некоторое время водил головой, казалось, топчась на перепутье. Но тут резко подался вниз и выдвинул нижний ящик. Извлек мобильный, забарабанил по кнопкам.

– Ну что тебе, Дорон? – проворчал Моше Шавит спустя полминуты. – Я почти в канцелярии...

– Позвони технарям – пусть меня примут, – живо молвил Биренбойм. – И вот что еще. Там, наверху, между делом, пробрось: у нас, похоже, нащупывается. Кое-что...

– Звонить не буду, сам технарям скажи: добро от шефа получено. Не до того мне, господин «Кое-что»... – По отдышке чувствовалось, что босс сильно торопится.

– Моше, могут послать, позвони... Времени – и того ничего.

– А ты *их* пошли! – посоветовал шеф и разъединился.

Биренбойм тер глаза, мало-помалу склоняясь к выводу, что босс исчез, в общем-то, на руку. К разговору он, можно сказать, не готов. Задумка без приводных ремней – какой бы потенциал та не таила – даже не полуфабрикат. Крючок от коромысла. Он вновь обратился к селектору:

– Рафи, досье всех русскоговорящих агентов с действующей советской визой. Те, кто под рукой, разумеется. И не тяни!

– С какой визой? – уточнил помощник.

– Советской, Рафи, советской... – подтвердил Дорон.

– Ладно, – согласился Рафи и, судя по глухому щелчку, отключился. Но вскоре донеслось: – Хорошо хоть не на Юпитер...

Техника порой барахлила, так что собственное отключение Дорон дважды перепроверял. Между тем своим «патентом» с коллегами не делился...

Биренбойм отлично знал, что ни у кого из агентов оперотдела советской визы нет и быть не может – хотя бы потому, что до недавних пор СССР обретался на периферии интересов ведомства. Невод им заброшен в резервуар смежников: вдруг у них? При этом он понимал: шансы мизерны. Решил было отцепить визовую «пиявку», но передумал, посчитав, что помощник сам разберется.

По большому счету, проблема визы в СССР – страну, не поддерживающую с Израилем дипотношений – уже полтора года как перестала доставлять головную боль. Советское посольство в Бухаресте штамповало их сотнями, едва успевая обрабатывать нарастающий поток обращений. Требовалось, правда, приглашение от родственника, удостоверенное ОВИР, и должная вегетация «плода» на вечнозеленом древе бюрократии – четыре-пять недель. Между тем ситуация диктовала: на стипль-чез посланца службы через железный занавес, все еще отделяющий СССР от Запада, – пару дней, не больше. В противном случае, затея теряла смысл. Ну а то, что воплощение самой задумки – сродни операции, проводимой слепым хирургом, пока воспринималось Дороном общим местом. Он, прирожденный конспиролог, сознательно закрывал глаза на очевидное: невзирая на грандиозные преобразования, СССР – по-прежнему непроходимая тайга. Обособлена не столь от Запада, как затруднена для внутренней миграции: прописка, приграничные зоны, острый дефицит гостиниц и съемного жилья. Делал он это потому, что осевшая идея сулила, пусть слабые, но все же выстроенные логикой шансы, в то время как начинания Генштаба, призванные защитить Израиль от зарино-заманового апокалипсиса, зловеще надвигающегося из Багдада, не стоили, на его взгляд, и ломаного гроша – не что иное, как лапша бессилия, вываливаемая на непрофессиональные уши премьера. Впрочем, им же и порожденная – ежедневными полуистерическими вызовами силовых ведомств на ковер.

Каждый мало-мальски сведущий специалист понимал: поскольку противоракетного зонтика у Израиля нет, над страной нависла смертельная опасность. В считанные дни начиненные химической отравой иракские боеголовки обратят Святую Землю в могильник. И хватало оснований полагать, что недавняя угроза Хусейна – отнюдь не бравада.

Моше Шавит, директор «Моссада», пробыл в штаб-квартире премьера без малого день – с одиннадцати утра до пяти вечера. В который раз – без всякой пользы для дела, поскольку повестка дня «Высадка десанта для пленения Хусейна» – безумие чистой воды, не оправдываемое и драмой момента. Ведь не секрет: у Садама около десятка сверхнадежных убежищ, тасуемых в качестве резиденции или места ночлега, в зависимости от обстоятельств, точно карточная колода. Сведений, причем, о них – почти никаких, но главное: связь с немногочисленной

агентурой в Ираке после введения военного положения оборвана на непрогнозируемое время. С таким же успехом можно снаряжать в Сахару экспедицию – на поиски снежного человека...

Меж тем, в ходе заседания, Шавит просьбу лейб-опера не упускал из виду, то и дело задумываясь, что бы та могла значить. Оттого, на первом же перерыве, он связался с техотделом, структурой новейших технологий шпионажа, и распорядился оказать Биренбойму максимальное содействие. В ответ услышал: «Дорон – давно у нас». По пути домой, едва взлетев с вертолетной площадки премьеры в Иерусалиме, Шавит позвонил Биренбойму уже напрямую, сообщив, что готов его принять через полчаса.

В вертушке Моше одолевали душевные чувства: обрывки давно пережитых невзгод, казалось бы, поросших ковылем времени, но почему-то сей момент воскресших. В итоге – заныло под лопаткой, куда в шестьдесят седьмом году вонзился осколок египетской мины, восьми сантиметров длиной. Тут директора настигло, что хляби духа – следствие чудовищного перенапряжения, а вернее, отчаяния, мало-помалу одолевающего его, прочих высших чинов страны, по мере того как время до истечения объявленного Ираку ультиматума – покинуть Кувейт до пятнадцатого января – неумолимо тает.

Шеф встретил Биренбойма в приемной в привычном для того обличьи – куклы с пустыми, ничего не выражающими глазами, но с необыкновенно живым лицом. И ровным счетом ничего не говорило о том, что за минувший день лейб-опер провернул груду дел, сопоставимую разве что с заливкой фундамента под средний небоскреб. Причем отличался отнюдь не валом, а дивной изобретательностью и глубиной проработки начинания.

Директор легким поворотом головы пригласил лейб-опера зайти. Вскоре они располагались в кабинете, выдавая буквально гротескное различие психотипов и состояния духа. Казалось, Биренбойм своей живостью будто пританцовывает вместе с креслом, а измученный Шавит, наоборот, никак не может забраться в свое – оттого примостился на краешке.

Какое-то время босс вяло посматривал на папку со сводками, как бы раздумывая, раскрыть ее или повременить. Так и не сдвинувшись с места, в полном опустошении потупился. Чем-то напоминал тяжеленный мешок, спущенным неким инкогнито с плеч для передышки. Но тут, будто он тот самый изможденный, едва дышащий инкогнито, выдавил из себя:

– Не молчи, выкладывай...

– А давай, босс, выпьем! – предложил Биренбойм. – Смотрю, лица на тебе нет – в Иерусалиме, видать, ухайдакали.

Шавит медленно поднял голову, чтобы обнаружить: Дорона и след простыл – его кресло пусто. Присутствие опера угадывалось лишь по шуму за спиной: хлопнула дверка трюмо, неприятно хрустнули сомкнувшиеся стаканы. Но Шавит не успел и обернуться, как Биренбойм вновь возник в поле зрения, выскочив из-за спины. Обе руки заняты: в одной бутылка «Джонни Вокера», а в другой – стаканы.

Бесцеремонностью и панибратством здесь и не пахло – оба с одной миски хлебали добрый десяток лет. Между тем важно отметить: в общем и целом, израильтяне – непьющий народ. А в «Моссаде», институции высших государственных интересов, любители зелья, по определению, водиться не могли. Посему, как бы не помешала боссу релаксация, выжатому, точно жмых, он в мгновение ока сгруппировался, осознав: подвох.

– Послушай, Дорон... – заговорил Шавит с неприятным холодком. – Здесь не рейхс-канцелярия дней «конец апреля сорок пятого», хоть и правда всем тяжело. Ощущение: будто в щелочном растворе по самые ноздри, а на лице – противогаз, что в прямом, что в переносном... Куда ты клонишь, не пойму! Я тебе не брат, а ты не анестезиолог. Заваялся скальпель какой – выкладывай, таблетку не тычь. Разведка не поликлиника, на подведомственные Конторе «мигрени» анальгетиков не хватит.

Тут Шавит запнулся, остановив взор на стакане. Его буквально ошеломила мысль: «Когда емкость перекочевала в мою руку? Надо же, какой Дорон проныра...»

– Пей, родненький, пей, все беды – как рукой! – зачастил словами Биренбойм.

Шавит залпом выпил, спустя минуту ощутив, что заметно полегчало: вся слизь души – как отхаркнулась. Впрямь, не зря горшки обжигают...

Выпил и лейб-опер, как всегда обмочив лишь губы да язык. Ловким движением покатил стакан скольжением по поверхности стола, переполняясь, точно малое дитя, озорством. Повернулся к шефу и, как бы между прочим, молвил:

– Я тут перевел тебе, Моше. Русского ведь не знаешь...

Директор зашарил по столешнице глазами, но высматривал не упомянутый перевод, а бутылку минералки. Отхаркнулось – то отхаркнулось, а вот гланды с непривычки обожгло... Когда же он горло минералкой окропил, то перед собой увидел распахнутую папку. Шавит вновь подивился: «Опер – прямо иллюзионист. Ни в приемной, ни здесь, в кабинете, ничего в его руках не замечалось».

Моше Шавит углубился в чтение, но несколько раз вскидывал голову, будто вопрошая: именно *это* принес? В конце концов папку захлопнул и в смешении чувств глядел на визави.

– Дорон, что за шекспировские страсти? Как это с повесткой дня перекликается? – полюбопытствовал вскоре директор.

Пухленькие ручки Биренбойма забегали по подлокотникам взад-вперед, остановились. Казалось, «колобок» подбирает слова, но ничего не выходит. Наконец он хлопнул по поручням, воскликнув:

– Ты, по-видимому, сегодняшние сводки не читал!

– На что ты намекаешь, Дорон? – насторожился патрон.

– Какие здесь намеки, Моше! Обычная строка, прошедшая по всем каналам: «В Багдаде, кроме советского, ни одного посла». Вчера последний, по-моему, югослав, смотал удочки.

– Ну да, об этом пишут... А что, прикажешь, им делать? В догонялки с «Трайдентами» играть или рыть убежища?

– Вот-вот, как раз в догонялки и никаких убежищ... – изрек некое иносказание Дорон, продолжив: – И в русском посольстве всего восемь душ, полсотни эвакуированы. Только «отделение камикадзе» возглавляет не офицер безопасности, а сам посол. Стало быть, ни о каком отъезде он и не помышляет, иначе наострил бы лыжи еще две недели назад, в общем потоке.

– Дорон, не мечи бисер, человеческим языком говори, а лучше – схему, – перебил подчиненного директор, прежде взглянув на бутылку «Джонни Вокера».

– Хм, нет здесь схемы... – после паузы отозвался Биренбойм. – Очевидно лишь одно: Бессмертных и Бейкер условились, что Посувалюк – последняя ниточка, связывающая коалицию с «плохим парнем». – Подхватив бутылку, опер подбавил шефу чейсер. Тотчас поднял свой стакан, казалось, после первого раунда «ватерлинию» не поменявший.

– Наш интерес здесь в чем? Хоть убей, не пойму... – недоумевал директор, демонстративно отодвинув стакан.

– Шеф, за Посувалюка! – Биренбойм вновь обмочил губы, сделав вид, что никакого вопроса не прозвучало.

– Не злоупотребляй своим особым положением, Дорон! – вспыхнул Моше Шавит. – И хватит мне подбавлять! Да и паясничать тоже!

– А что я сказал, босс? – искренне сокрушался Биренбойм. – Работал тут – аж пар с ушей, а ты...

– Работал... – проворчал директор. Взболтнул стакан, вобрал в нос аромат и... выпил. Отдышавшись, спросил: – Все-таки Пасавалик – с какого боку?

– Посувалюк, – уточнил Биренбойм, придирчиво осматривая манжеты на рубашке.

– А хоть Камю! – огрызнулся директор. Оставалось догадываться, о чем речь: знаменитом писателе или легендарном пойле, вынырнувшем в переключке ассоциаций?

– Неужели не ясно, Моше? Не догоняешь, зачем я в техотдел ходил?

– Представь себе, что нет! Русские – вне игры в иракской заварушке, не до того им. Не знают, куда пошедшее по швам одеяло империи натянуть – на голую задницу или на склеротичную, не поддающуюся лечению башку. Челночная дипломатия – как его... этого... пере-красившегося еврейчика?.. – вспомнил! – Примаков – рецидив старого мышления: мол, мы, великая держава, кое-что да значим. Пригрозим Саддаму денонсацией межправительственных соглашений – тот, не имея ни единого союзника, на попятную пойдет. А вот хрен им! Будто самому Примакову, востоковеду, неведомо, во что ставят на Востоке развенчанного эмира, да еще с выпотрошенной казной!

– Моше, – деликатно перебил начальство Биренбойм, кашлянув прежде. – Счет идет, можно сказать, на минуты, а дел невпроворот...

– Каких еще? – озадачился директор. Растопыренные ладони застыли на столе.

– В общем, план таков... – Биренбойм принял чинный, малохарактерный для него, суетливого живчика, вид. – По всему выходит, что Посувалюк обречен с Саддамом общаться и, конечно, вживую. Раз так, то сей момент он самый полезный для нас, израильтян, а то и для всего мира, человек. Словом, кроме, как через него, нам к Хусейну не подобраться. Это – неопровержимый факт.

– Да Саддама полсвета уламывает: отступи! А он и в ус не дует! – разразился директор. – Да что там посредники! Полмиллиона солдат коалиции, включая ядерное оружие, для него – пустой звук! Думаешь твой Пасавалик, поймав второе дыхание от компромата, уболтает? Или... – Моше Шавит запнулся. Переварив нечто, настороженно спросил: – Да, техотдел здесь при чем?

Биренбойм встрепенулся, зашарил по карманам пиджака. Извлек носовой платок и стал тщательно вытирать руки, казалось, оттягивая ответ. Тем временем его посетило: «Моше, наконец, встраивается. Похоже, его первая реакция, скорее всего, будет «нет».

– Да с продуктом «Пи-6» разбирался... – рассеянно молвил лейб-опер, добавив: – Всучить Посувалюку...

Директор приглаживал волосы, всматриваясь то в Биренбойма, то в папку, будто оценивая услышанное, неторопливо постигая суть. На самом деле затруднялся ответить – лейб-опер настолько его ошеломил. В конце концов произнес полушепотом:

– Ты долбанутый, Дорон, на всю голову...

Затем директор откинулся на спинку кресла и добрую минуту безмолвствовал, казалось, вновь обессилев. Его густая, жесткая шевелюра, словно подчеркивала безжизненность персонажа, напоминая грубой выделки парик. Но тут он, полный задумчивости, изрек:

– В твоём безумном проекте, Дорон, мне нравится одно: русские уже заслоняли нас, евреев, от полного истребления – я тому свидетель, что весьма символично.

Глава 2

28 декабря 1990 года Борт самолета «Бухарест-Москва»

Шахар Нево, агент спецпоручений, известный в «Моссаде» под псевдонимом «Старик», крепко спал, прислонив голову к обшивке лайнера. Всю предыдущую ночь он бодрствовал, но не отбывая рутинное дежурство, а пробиваясь через тернии упражнений. Причем столь каверзных, что тот тренаж сопоставим разве что с маетой переводчика-синхрониста, на сутки прикованного к микрофону.

Шахар летит в СССР, на свою историческую родину, где в Кустанае явился на свет тридцать пять лет назад. Корней между тем в Союзе он не пустил, спустя пять лет с советским гражданством распрощавшись. Репатририровался – как сын польского подданного – вначале в Польшу, а через год, уже как еврей, – в Израиль, разумеется, с родителями.

Как ни странно, польский цикл формирования Шахара, ныне – одного из лучших «мальчиков Биренбойма», осел в его памяти лучше. На Святую Землю Нево прихватил Малый словарь польского мата, в то время как с русским «собратом», крайне актуальным на данный момент, явный пробел. В активе – лишь парочка «ключевых терминов», почерпнутых вне языковой среды для «общего кругозора». Впрочем, все объяснимо. Именно в Польше Шахар пошел в детский сад, тогда как в Кустанае рос под маминой опекой дома, ни на минуту не выпускавшей первенца из виду.

Проблема «языковой аутентичности и полифонии» отнюдь не случайна. Заострил ее Биренбойм, снаряжая «чадо» в края дальние. Как агенту без языка? Тайга-то тайга, зато густо населенная.

Еще в истоке операции «Посувалюк», коей Шахар призван вдохнуть жизнь, выяснилось, что агентов, владеющих русским, раз-два и обчелся, а обладателей советской визы – и вовсе ни одного. Биренбойм между тем языковую олимпиаду среди кандидатов устраивать не стал, остановив свой выбор на «Старике», владеющим русским через пень колоду, зато снискавшем оперативную славу. Глава оперслужбы посчитал, что в столь многотрудном, непредсказуемом регионе, как СССР, профессиональное реноме агента над знанием языка превалирует. Однако от языкового пробела не отмахнулся и, подобрав легенду, ловко перекроил выходные данные – обратил бывшего кустанайца в «грузина». К слову, не сразу: как и в случае с «Певеком», наткнувшись на наводящую деталь. Но все по-порядку.

Определившись со списком кандидатов, Дорон отправил своего эмиссара в «Барон Турс», агентство, обладающее эксклюзивом на оформление советских виз в Израиле. Засланец предъявил удостоверение фининспектора и изъял всю текущую документацию по визовой поддержке. Пояснил при этом: выборочная проверка с целью выявить, не утаиваются ли доходы. К вечеру груженный папками «каблучок» прикатил к агентству обратно и вернул весь архив без изъятий. «Фининспектор», на диво профессиональным языком, разложил технические погрешности отчетности, благожелательно заметив, что крупных нарушений не выявлено, так что трудитесь...

Нелишне заметить, что визовый архив изымался лишь для отвода глаз, дабы не привлечь внимание к интересующую службу региону – СССР, ради которого и затеяли «проверку». Биренбойм понимал, что КГБ, внедривший в Израиль целую агентурную сеть, «Барон Турс» мог давно оседлать. С шестьдесят седьмого по восемьдесят первый год в Израиль иммигрировало двести тысяч «совков», из которых не один десяток – гэбэшные наймиты. Далеко не все сдались властям, объяснив подряд шантажом, прочими притеснениями, или были, как Маркус Клинберг, Шабтай Калманович, разоблачены.

Выемка из «Барон турс» прояснила, что завтра, двадцать восьмого декабря, из Израиля в Москву летят лишь три человека. Причем их средний возраст – предпенсионный, что предполагало: помимо «вживления» фото тридцатипятилетнего «Старика» в советскую визу придется подделывать в ней и дату рождения. Тем самым и без того рискованное задание Дорона – бросок стремглав через железный занавес, да еще с весьма размытой целью – стремительно набирало штрафные очки, загоняя операцию в непредсказуемые дебри. Но тут обнаружилось, гася уныние у режиссера, что один из отъезжантов – Давид Хубелашвили, представитель малочисленной общины грузинских евреев, в своем подавляющем большинстве русским владеющих, но, понятное дело, вторым языком. Это и определило окончательный выбор Биренбойма. Напряливая на Шахара горскую папаху, обер-чопер хотя бы один риф оперативной задачи устранял. При этом, правда, плодил иной: приметный грузинский акцент был не знаком в СССР разве что глухому. По стране гулял целый эпос анекдотов о самом предприимчивом в Совке этносе – грузинах. Но прононс дело поправимое – это тебе не три рода и шесть падежей, к тому же за ночь...

Когда затравка операции пустила первый совместимый с жизнью побег, Биренбойм перевел ее в чисто практическое русло. Причем действовал на свой страх и риск, не имея санкции от начальства. Директор просиживал штаны в Иерусалиме, а к заму соваться смысла не было, поскольку из всех, весьма «эластичных», рамок разведки начинание обер-опера выламывалось.

Определившись с эскизом операции, Биренбойм «призвал к оружию» Шахара, не успевшего перевести дух после последнего задания, и вручил ему стопку свежих советских газет. На словах пояснил: «Завтра – в Москву. Но читай лишь то, что включит картинку».

Спустя час в отведенной Шахару комнате появился сильно смахивающий на дедушку Калинина старичок, с седенькой козлиной бородкой и замусоленной папочкой на тесемках, но не один, а в сопровождении помощника Биренбойма. Эскорт не проронил ни слова – лишь указал обернувшемуся Шахару на старца и был таков. Нево отложил орнаментированные орденами таблоиды, в считанные минуты обратившие его разум в жужжащий улей, и в течение академического часа тужился вникнуть в тайны письменной кириллицы, приоткрываемые наставником. Ведь писать по-русски «кустанаец» не умел, хотя и знал печатный алфавит. Дедок исчез столь же неожиданно, как и явился, напутствовав «переростка» поглаживанием по плечу и словами: «Не расстраивайся, ты – мальчик способный».

Тем временем запущенная на форсаж машина операции «Посувалюк» катилась к первому водоразделу – к той самой визе, без которой дерзновенная задумка Биренбойма не стояла и выеденного яйца. Колеса ее крутились на запад, в Ашдод, тихий, провинциальный городок, в сорока километрах от Тель-Авива. Именно там обитал Давид Хубелашвили, ни сном, ни духом пока не ведающий, какая магическая сила заключена в складной бумажной портянке, хранящейся в его трюмо.

По душу Хубелашвили обер-опер командировал сразу троих сотрудников, основательно взопревших еще до прибытия в Ашдод. Рация в «Субару» оживала каждые две-три минуты, отдавая выездной бригаде диаметрально противоположные указания: от ареста обладателя бесценной визы – до имитации грабежа его квартиры, венчаемого пожаром...

Между тем биография ашдодца, казалось, сама толкала его в тенета силовиков. Он был известен полиции как содержатель точки азартных игр под вывеской кафе, вследствие чего дважды арестовывался. А по последним агентурным данным, проявлял активность еще на одной деланке греха – сексуальных услуг. Причем от уголовной ответственности каждый раз ускользал. В какой-то момент Биренбойм даже задумался, стоит ли огород городить и не позволить ли Хубелашвили спокойно улететь, «нагрузив по общественной линии». Разумеется, в качестве рабочей, проходной версии...

Тут подоспело заключение Аналитического отдела – этнопсихологический портрет израильского грузина советских корней и всей общины в целом. В нем, наряду с прочими харак-

теристиками, в частности, говорилось: «Отличаются радушием, открытостью в общении, но строго хранят общинные тайны, дезавуирование которых чревато. Поиск информанта в их среде – дело гиблое, даже среди отъявленных наркоманов. Община предана ценностям иудаизма и Государству Израиль». Переважив записку, Биренбойм распорядился мчавшейся на всех парах тройце:

– Ребята, полный отбой...

– Как? – изумился старший группы, уже въехавшей в Ашдод. – Обрато?

– Нет-нет... – рассеянно молвил Биренбойм, после чего разъяснил: – Потолкуйте с ним по душам и возьмите расписку о неразглашении. Хотя и ее не надо...

– А он согласится? – никак не брал в толк командир после трех бросавших то в жар, то в холод переадресовок, да еще за полчаса.

– Согласится, – заверил Биренбойм.

Хубелашвили и в самом деле согласился. Наставления же оперов отменил: «Оставьте мне, что объяснить семье и близким». Но тут же оговорился: «Дайте лишь телефон для связи. На тот случай, когда мне потребуется поддержка. А за билет и визу можете не возвращать...»

– Поможем... чем сможем... – изрек после некоторых раздумий один из оперов, с явной задержкой допетрив: намек на криминальный переплет.

Ну что ж... спецом подкованных сношений рождаются, учебники здесь – подспорье слабое.

Родился героем закулисья и Шахар Нево, за два часа упомянутого многопрофильного тренажа впитавший в себя грузинские интонации и акцент, разумеется, в преломлении русской речи. Из хайфского полицейского управления на Шауль Амелех* доставили аудиокассету – запись очной ставки, проводившейся на русском языке. Фигуранты: не владеющая ивритом новая репатриантка из Киева и хозяин зала торжеств, ее работодатель, старожил из Кутаиси, обвиняемый в сексуальных домогательствах.

Поначалу добрую половину слов Шахар не разбирал, но, ухватив чутьем полиглота некие связующие, к концу аудиосеанса уже сидел, расслабившись. Но тут малину сальных подробностей, исподволь набухающую, оборвал вновь нагрянувший «старикашка на тесемочках» – настолько тот казался отжившим свое. Одной личиной, однако. С полдвенадцатого ночи до пяти утра дедуля так мытарил выкорыща свободного от догм и бюрократических джунглей Запада, втискивая в стремительно тяжелеющую башку Шахара клише типа «ОВИР, Интурист, Внешторгбанк, лимит, прописка, дефицит, парторг», что каждые четверть часа агент просил передышку. Между тем к первым петухам Нево достаточно сносно ориентировался в реалиях грандиознейшего социо-экономического паноптикума, как приоткрылось перед ним, допевающего свою лебединую песню. Но не это главное. Обращаясь к старикашке, Шахар исправно корежил язык: «Слушай, нэ тарапы ты мена». И со всеми прочими словами аналогично...

В шестом часу назойливого советолога сменил Биренбойм, за несколько минут обрисовавший Шахару суть задания. Если отбросить столь болезненную составляющую, как пересечение по поддельным документам государственной границы, то внешне миссия представлялась второразрядной: передать израильскую разработку «Пи-6» некоему лицу. Но тут приоткрывались, обескураживая, пока скрытые за шпионской ширмой сквозные дыры миссии: сам получатель неизвестен, у него должна быть действующая иракская виза и приглашение соответствующего иракского ведомства на работу. Ну и венцом всему: убедить инкогнито вылететь в обложенный, точно медведь в берлоге, Ирак и вручить «Пи-6» советскому послу в Багдаде.

Между тем полученный на Посувалюка компромат, легший в основу проекта Биренбойма, с учетом военного положения и почти полной изоляции Ирака, был лишь одним из элементов задумки, хоть и стрелковым. «Старик» летел в Москву лишь потому, что «Аэрофлот» – последняя авиакомпания, не отменившая регулярные рейсы в Багдад. Все же чартерные рейсы,

как советские, так и прочих стран, – вне игры, ибо эвакуировали остатки персонала диппредставительств и прочий профессиональный люд в один конец. Любопытно, что любой сошедший с борта чартера пассажир неминуемо угодил бы в лапы «Мухабарата»* или, в лучшем случае, был бы выдворен на том же самолете в точку исхода, откуда прилетел.

За разгадкой верности «Аэрофлота» осажденному Ираку ходить далеко не приходилось. Большая часть иракского военного потенциала – продукт советского ВПК, державшего в Ираке внушительный контингент советников. Биренбойм знал точно: эвакуированы далеко не все, ведь кто-то должен наставлять провинциальную армию премудростям ультрасовременного боя. Кроме того, по оперативной информации, у русских был свой интерес в военном разрешении конфликта. Проигрывая гонку вооружений, советский ВПК буквально рвал и метал восстановить симметрию, но, кроме как копировать чужие технологии, контраргументов не находил. Ирак же сулил целое кладбище боевой техники, хотя бы выходящей из строя...

Помочь преобразовать ребус «Москва-Багдад-Пи-6-Посувалюк» в стройную парадигму должен был, по замыслу Биренбойма, один-единственный человек – сотрудник центрального аппарата КГБ, добровольно «прибывшийся к тель-авивскому причалу» всего три месяца назад. Именно через него заскочил в мозаичную форточку компромат на Посувалюка, как и целая россыпь иных не имевших цены секретов. Так что последнюю часть своего инструктажа Биренбойм посвятил личности московского волонтера, а заодно – подробной структуре внешнего сыска и контрразведки, объединенных в СССР, в отличие от Израиля, под одной крышей.

В какой-то момент информационная «осада» Шахара, на редкость разностороннего и крепкого парня, хватила через край, и «Старик», будто его хватил удар, застыл, не реагируя на окрики и щелчки перед носом. Биренбойм тут же вызвал врача, одной инъекцией приведшего Шахара в чувство.

– Ладно, поспи часок... – смилоствился обер-опер, смотревшийся, точно свежий огурчик. Со стороны казалось, будто он только прибыл из отпуска и руки чешутся скорее добраться до любимого дела. Меж тем что только за последние сутки не наворотил и, разумеется, не сомкнув глаз. Резво выкатываясь из комнаты отдыха, он бросил: – По дороге в «Бен-Гурион» поговорим.

Но последних слов шефа Шахар не разобрал, провалившись в огревшую сладким молотом бездну.

По пути из штаб-квартиры в аэропорт Биренбойм описал положение дел в московской резидентуре «Моссада» и между делом вручил Шахару новенький, пованивающий свежей типографской краской паспорт с визой. «Старик» чуть ухмыльнулся, вдруг осознав, что паспорт своей страны он держит в первый раз, ведь в Европе, где квартирует чаще, чем дома, он пользуется несколькими местными, поддельными. Но тут, вспомнив, что корочки роднят лишь по признаку гражданства, а не истоком, ухмыльнулся уже по-настоящему, правда, несколько натужно.

– Знаешь, Дорон, давай лучше помолчим, посидим на дорожку, – осадил Биренбойма «Старик», едва показалось ограждение летного поля. Спустя секунду-другую добавил: – Что за резидентура из одного человека, да еще непрофессионал? Бог даст, разберусь...

– Кто еще, кроме тебя!? – обер-опер вкрадчиво похлопал Шахара по плечу. Меж тем его дымчатые, обращенные в себя глаза никакого напутствия не передавали.

– Главное, хозяйство не застудить! – ни с того ни с сего выпалил Шахар, вспомнив, что Кустанай ему запомнился лишь прогорклым гусиным жиром, коим мать натирала его лицо в лютые морозы.

Вплоть до расставания они безмолвствовали, даже «В добрый час» оберопер произнес про себя, на прощанье пожимая Шахару руку.

Минувшая ночь у Шахара нехитрым маневром переключалась в день, разломившись на три двухчасовых ломтя – на борту авиарейсов «Тель-Авив-Бухарест», «Бухарест-Москва» и в зале для транзитных пассажиров аэропорта «Отопень»*. В результате он полностью восстановился, и улетучилось ощущение ноющего волдыря, законопатившего разум.

Отчизна по метрике встретила сюрпризом – в Москве шел проливной дождь, будто борт сел в Амстердаме или в Лондоне. Так что гусяного жира не потребовалось, Шахар даже не застегнул пальто, лишь шарф обернул вокруг шеи.

Первое, что бросилось ему в глаза в «Шереметьево», все голливудские экранизации, пусть масс-культурный, зато единственно доступный на Западе эпос о России – дико карикатурны, ничего общего с этой страной не имеющие. Встречающаяся русскоговорящая публика от облика среднестатистического европейца разнилась немногим – напряжение в любом движении и помысле. Грубоватая рельефность лиц роднила русских с немцами, при этом глянцевой надменности не было и в помине. В общем и целом, обобщая этнические типы, можно было смело соотнести русских с жителями европейских окраин – сицилийцами, португальцами, греками – прущий отовсюду, невзирая на возрастные и социальные различия, провинциализм.

Шахар занял очередь к пункту пограничного контроля и по его неприметному виду не угадывалось, беспокоится ли он сейчас хоть о чем. Меж тем его соседи, судя по речи, румыны из бухарестского рейса, приструнились. Недавнюю суетливость – как рукой сняло. Никто уже не заглядывал себе за спину, как при стихийном кучковании очереди. У каждого в руке – паспорт с визой и, казалось, что невидимая линия жесткости, будто сковала индивидуальность, обратив соседей в оловянных солдатиков, с опаской передвигающих ноги.

Незаметным движением Шахар извлек свой верительный комплект и в считанные мгновения смимикрировал, сливаясь с атмосферой обреченной покорности. Тем временем он оживил в памяти нужный прононс и даже проговаривал про себя отдельные фразы. Одновременно отметил, что звучащие в громкоговорителе объявления почти полностью понимает, причем именно в русском эквиваленте, еще до того, как звучит английский дубляж. Тут его потревожила мысль, которая ни ему, ни Биренбойму из-за адского цейтнота времени не могла прийти в голову в Тель-Авиве: «Что если контролер хоть немного владеет грузинским или, заподозрив нечто, грузиноговорящего сотрудника пригласит?» Но заикливаться на допущении он не стал, посчитав его чисто умозрительным.

В «Моссаде» знали, что глобального информационного банка, объединяющего консульства с пунктами пограничного контроля в единую сеть, у русских нет, так что контролер проверяет подлинность въездных документов на глаз. На это и делался расчет при замене в визе, оказалось, сразу двух фотографий и подделке даты рождения.

Приближаясь к погранконтролю, Шахар убедился, что, визуально изучив паспорт с визой, контролер ни с чем не сверяется. Отрывает талон прибытия и штампует въезд. Вся же процедура – достаточно скоротечна, не намного дольше, чем в Европе. Настоящий затор на следующей подстанции аэропорта – в хорошо просматриваемой зоне таможни.

Оказавшись лицом к лицу с пограничником, «Старик» чуть подправил свой недавний, роднивший его с соседями лик (дабы ничем не выделяться), забираясь в личину подчеркнутой вежливости. Хоть по паспорту он бывший совок, девятнадцать лет западной закваски, он понимал, обречены в нечто трансформироваться...

Контроллер был юн, худ и неказист, но не только внешне. По его неловким, если не судорожным движениям угадывалось: он здесь новичок. Шахар определил это сразу, едва его паспорт переключал в руки погранца. При виде семисвечника* «кулёма» сощурился, но, казалось, не от подозрений, а будто силясь что-то вспомнить или понять.

«Старик» рассматривал визави, замечая краем глаза, насколько тот разнится с коллегой, который обслуживает параллельную очередь. Физиономия у того – под стать натянутому бубну, время от времени расцветиваемая миной брезгливости.

Тем временем у зеленопогонника (что в прямом, что в переносном) наблюдалась некоторая активизация мыслительных потуг. Он раскрыл паспорт и с опаской курсировал по строчкам титульного листа с фотографией. Покончив с англоязычным разделом, перебрался в правый сектор, где компактно жались ивритские иероглифы. И самое любопытное: до сих пор хозяина корок цепким, вмененным должностной инструкцией взглядом не запечатлел. Выполнил он предписание, вполне мог учуять: невозмутимость гостя, по большей мере, напускная, за завесой непроницаемости – работает дюжий анализатор, впитывающий в свои закрома малейшее его движение, и, оценив, делает пометку в невидимой перфокарте. Между тем в диком чертополохе мыслей гостя, где-то на заднем плане, прорезалось: «В руках этого новобранца, быть может, судьба региональной державы, и от того, как онотреагирует, не исключено, зависит, жить ей или задохнуться в колбе химической чумы».

Но зеленопогонника, и в самом деле лишь недавно поставленного после стажировки «на поток», судьба Ближнего Востока волновала не очень, зато куда больше – своя собственная. Материализовалась та пока в стремительном откате страны назад – к замаячившим: безработице, тотальному опустению магазинов, голодным бунтам.

Все еще глядя в паспорт, контролер потянулся рукой под столешницу и, казалось, нечто привел в действие. Положил перед собой паспорт, рядом с визой, на которую прежде лишь бегло взглянул, и уставился на Давида Хубелашвили, до недавних пор – гражданина страны-изгоя советской внешней политики, посему вызвавшей в его и так трещащей от бытовых невзгод голове еще один переполох.

«Давид Хубелашвили» улыбнулся и, внутренне готовясь к интервью, чуть придвинулся к стойке. Но такового не последовало, более того, контролер через секунду-другую развернулся впол оборота, устремляя взор в проход, разграничивающий зоны государственной границы и таможни. Вскоре там объявился офицер-пограничник средних лет, по мере своего неспешного приближения, бросавший цепкие взгляды на театр приграничных действий.

Шахар понимал, что возникший в поле зрения офицер – истребованное контролером начальство. Между тем он ни на йоту не сомневался, что его «позаимствованная» виза здесь ни при чем, что-то иное... Ведь заприметь пограничник хоть краем глаза подлог, чем-то бы себя да выдал.

Патрон оказался майором, его припухлое лицо выдавало, как минимум, вчерашнюю бессонную ночь, зато было гладко выбрито и излучало запах тонкого парфюма. Прежде чем чин проник за стойку, он затычным, липким взглядом просканировал Шахара. Лишь затем обратился к контроллеру легким вздергиванием головы: мол, что у тебя?

Тот обеими руками подхватил паспорт и протянул, точно икону, начальству, молвив:
– Виктор Анатольевич, их что, тоже?..

Майор воззрился на контроллера, транслируя всем видом: тебе что, делать нечего, за этим позвал? Паспорт не принял и, чуть отклонившись в сторону, потянулся к лежащей на стойке визе. Лихо распрямил сложенную втрое портянку, издавшую от резкого натяжения легкий хлопок, и прошелся взглядом из конца в конец. Ловким движением вернул ее в прежнее положение и воткнул кантом в рубашку «кулемы». Приподнявшись на цыпочках, прошептал на ухо:

– Саша, ты, наверное, на планерках спишь. Запомни раз и навсегда: они – тоже!

Саша Гусев, двадцатитрехлетний выпускник Московского иняза, по пути в родной Красногорск размышлял о гримасах нового, разверзшегося многоклеточным лихом времени. При этом он то и дело обращался в мыслях к досадному эпизоду с израильским гражданином,

с оформлением въезда которого вышла заминка, и, как следствие, обратившаяся в нагоняй. В академически упорядоченном мозгу не складывалось, почему его развороченная оползнем свобод страна, которой, по сути, уже нет, по инерции цепляется за трухлявое дупло прошлого.

Мишка Кацнельсон, друг и сосед по лестничной площадке, с которым, перекуривая, они так славно точили перестроечные лясы, укатил неделей ранее в Израиль. Навсегда. Непременное условие убытия: отказаться от советского гражданства и сдать паспорта. Сам юридический акт облагается грабительским налогом – четыреста рэ с носа. Итого, включая малолетних сына и дочку, тысяча шестьсот – годовая Мишина зарплата, авиационного инженера-конструктора. Дабы наскрести сумму, приятель распродал свой нехитрый скарб подчистую, включая два матраса. К счастью, сосед с третьего этажа смилостивился отсрочить их передачу на несколько недель – иначе семье пришлось бы перебираться в ночлежку.

Накануне расставания Саша рассматривал выездные визы Миши, испытывая щемящую грусть, а порой – и мятеж мироощущения. Распаялся он, глядя на фото Лены с малышами, коим отдельная виза не полагалась. Детки жались к чреву матери – то ли испугавшись фотоаппарата-пугала с черной накидкой, то ли внемля ее тревоге – отчизна-мачеха ведь гонит в неизвестность. Чуть позже, уже как специалист по лессэ-пассэ*, пусть неоперившийся, Саша Гусев гневался на фактуру портяночных «паспортов», ранящих глаз остроконечными занозами-волоконками. Он сопоставил почерпнутое на стажировке обличье Нансеновского паспорта – проездной документ Лиги Наций для сотен тысяч изгнанных Октябрьской революцией граждан – с нынешним, уже советским, мандатом эпохи регламентируемого беженства и мысленно «смотал его в рулон», вестимо какой...

Между тем, после отъезда Миши, Саша остался в отчей системе координат, из которых и в самых мрачных помыслах драпать не намеревался. В первую очередь – как патриот, связанный с отчизной незримой, но духовно не отторгаемой пуповиной, а во-вторых, – как преданный, заботливый сын. Посему, как бы Саша неволью не симпатизировал Мишкиному новому пристанищу – Израилю, допустить нарушение должностной инструкции, да еще на заре карьеры, он не мог. Его, ленинского стипендиата, гордость выпуска, Минвуз едва впихнул в укомплектованный на 100% из блатных «Шереметьево», и начальство лишь искало повод «чужака» от престижной должности отлучить.

Прежде Гусеву ни один израильянин на дежурстве не встречался, так что столкнувшись с Шахаром, его словно перемякло. Безразмерная кольчуга инструкций спутала разум, и Саша бесхитростно провел параллель между убывшим в один конец Мишкой и Давидом Хубелашвили, предъявившим практически такую же, как и у приятеля, «портянку». Как итог заключил: не персон ли нон-грата гость? После чего, не долго думая, кликнул начальство – подальше от греха...

В тот вечер, наскоро отужинав, Саша сидел за письменным столом допоздна. Уклонился даже от обсуждения новогоднего сабантуя, куда отец с матерью пригласили нескольких друзей и родственников. Саша сочинял другу письмо, притом что его израильского адреса у него не было. Писал, так сказать, впрок, на вырост. Даже не задумался, что на первых порах, в лихорадке обустройства, Мишке может быть не до писем.

За семь дней разлуки чего-либо значимого в Сашиной жизни не приключилось, если не считать сегодняшней мини-инцидент на работе. Его Саша и живописал во всех подробностях, с присущими ему юмором и самокритичностью – как он все напутал... При этом, ближе к концу, заметил: «Если в твоей, Мишка, новой стране все так невозмутимы, как сегодняшней гость, то никакой Саддам с ракетами вам не страшен. Но все же тебе лучше было переждать на родине – дома и стены помогают, как бы всем нам здесь хреново не жилось».

Глава 3

29 декабря 1990 года 10:00, город Владимир

– Семен Петрович, Москва!

– Опять? Да что б их... А кто?

– ГКЭС, управление кадров. На первой, Семен Петрович.

Семен Талызин, главный инженер «Владимироблэнерго», сорока девяти лет от роду, с ненавистью уставился на оторвавший его от дела аппарат. Казалось, что сей предмет – всех его бед начало. И впрямь в состоявшемся разговоре Семен Петрович дружелюбностью не отличался. Весьма краткую беседу закруглили просительной интонации вопрос и негодующий ответ.

– Может, передумаете, Семен Петрович? С учетом всех обстоятельств, ваша ставка удваивается...

– На какой ляд мне эти гробовые! Заварил Саддам кашу, пусть расхлебывает! Даже не подумаю, прощайте. – Семен Петрович бросил трубку, не дожидаясь отклика.

Семен Талызин, не последний в иерархии советского энергоснабжения чин, суетливо ерзал в кресле, передавая неожиданную метаморфозу. Будто оборванный разговор ему до лапочки, а все неудобство в том, что звонок оторвал от крайне важной, по значимости – равнозначной физиологическому отпращиванию – процедуры.

Тут Семен Петрович резко подался вниз и что-то высматривал под столом, однако, ничего не найдя, вновь распрямился. Тяжелое, испещренное красными прожилками лицо и мутный взор подсказывали, что у Талызина гипертонический криз, а неизъяснимая досада в лице, с учетом недавних поисков, – следствие неудавшейся попытки скачок давления купировать. Меж тем напрашивалось: что он искал под столом? неужели обронил лекарство?

Талызин насторожился, как будто близясь к некоей покальывающей коготками разгадке, после чего метнул взгляд на трюмо, расположенное слева, рукой подать. Образ страданий осветила направляющая цели, и резвым, несообразным хворому виду движением Семен Петрович устремился к нижней створке, приподнимаясь. Распахнул и изрек гортанное: «О!»

Взволновавший его предмет – на глаз, четырехсотграммовая стеклянная емкость с прозрачной жидкостью. По внешнему виду, сосуд для химреактивов. Только на лекарственный препарат – что объемом, что отсутствием ярлыка – находка не походила...

Талызин схватил емкость левой рукой, но застыл. Медленно повернул голову к входной двери, прислушался. Из приемной доносился голос секретарши. Судя по обрывкам фраз, – телефонограмма, предписывающая явиться на совещание.

Семен Петрович опустил руку, встал на ноги. Бесшумно отодвинул кресло, после чего, осторожно передвигая ноги, двинулся к двери. Практически бесшумно повернул запор и столь же осмотрительно проделал путь обратно. Извлек из трюмо сосуд, откупорил резиновую пробку-шляпку и где-то на четверть заполнил жидкостью стоящий на подносе стакан.

В кабинете резко запахло спиртом.

Талызин подбавил в стакан аналогичную порцию воды из графина, чуть взболтнул и одним махом промочил горло.

Он скривился, втягивая в легкие воздух. Подхватив графин, прильнул к горлышку, но пил недолго – лишь несколько глотков. Продолжая гримасничать, протер губы и подбородок ладонью, затем потешно насупился.

Спустя некоторое время Талызин курсировал взглядом по столешнице, поблескивая ярко вспыхнувшими зрачками. В какой-то момент он уткнулся в емкость с «лекарством», лениво потянулся и сплавил под стол. Последние трое суток сосуд обретался именно там, на ночь,

правда, переключившись в трюмо. Уже в понедельник, к обеду, хлопанье створками Талызину надоело, и он, как это прежде случалось, укоротил «потребительский» маршрут – на один, весьма хлопотный прогон.

Талызин распахнул форточку и бессмысленно уставился в окно, казалось, ни о чем не думая и ни за кем не наблюдая. В унисон общему провису – слегка выпирала челюсть, усугубляя и без того нелюбезный вид.

Включая выходные, главный инженер «фестивалил» пятый день к ряду и ничего поделывать с собой не мог. Законченным алкоголиком вместе с тем он не был, поскольку, выходя из очередного запоя, месяца два-три, в зависимости от обстоятельств, обет воздержания держал – без особых усилий, душою не морщась.

Между тем некий аккумулирующий алкогольную зависимость центр в его мозгу был инфицирован – Талызин это знал точно. Если бы червоточине не противостояла масштабная, независимая личность кандидата технических наук и крупного хозяйственного руководителя, то пагубная страсть давно бы главного инженера в добровольческую армию отбросов общества призвала. Оттого Семен Петрович избегал большинства торжественных мероприятий – как по месту работы, так и в кругу семьи и друзей. Время от времени, однако, он наступал на собственные грабли, уговаривая себя: порой все же можно, дабы снять стресс. Ведь раздражителей в его нелегкой, аварийно опасной отрасли хватало, а в последний год, в проекции надвигающегося общественно-экономического коллапса, – их число зашкаливало.

Иначе говоря, стоило Талызину чуть пригубить, как, покотившись безудержно по наклонной, на пять-семь дней из нормального ритма жизни он выпадал, заваливаясь в подземелье голых физических рефлексов, но сохраняя, как ни диво, профессиональную хватку. Был знаменит тем, что в состоянии клинического, затяжного отравления исправно ходил на работу и адскими, выворачивающими нутро усилиями держал бразды правления подведомственной структуры в руках.

Так или иначе его жизнь катилась к водоразделу: безоговорочно завязать или банально окочуриться. При этом с каждым месяцем циклы ремиссии ужимались, и Семен Петрович, выражаясь по-народному, регулярно запивал. Его слабость, конечно же, получила огласку, и все чаще звучали ехидные смешки подчиненных за спиной и окрики высокого начальства: «Доколе?!» И правда энергетика – не ликероводочный завод, бормотухой не отделаешься...

К тому же его недюжинный ум начал давать сбои, и Талызин нередко свои распоряжения элементарно забывал. На первых порах, в силу своей изобретательности, он образуемые запоем узлы развязывал, но со временем, по мере того как болезнь прогрессировала, в объемной связке ключей ведомства уже путался...

Как бы там ни было, Семен Петрович свято верил, что с пагубной привычкой он рано или поздно распрощается, наступи лишь удобный или, наоборот, нестерпимый для самовосприятия момент. Последняя установленная им, отодвигающая внутренний переворот межа: когда жизнь наладится... Однако все вокруг говорило о том, что разбушевавшаяся эпоха, вырывающая шатер государства с колышками, его печень переживет...

Отяжелевший в чертах и чувствах Талызин вдруг остервенело взметнул руку и со всего маху влепил кулаком в гардину, простонав: «Ну почему, почему так паскудна жизнь?!» Прикрывая веки, в полном опустошении опустил голову.

Окажись в кабинете самый никудышный врач-нарколог, не раздумывая, вынес бы диагноз: никаким конфликтом с социумом или, на худой конец, с близкими здесь и не пахнет, а налицо – заурядный алкогольный психоз. Прознав же общественный статус больного – весьма завидный у Семена Петровича – забил бы тревогу: опасность суицида, проистекающая из столкновения интеллекта с немочью преодолеть никчемную, загнавшую в тупик слабость. И, разумеется, призвал бы на подмогу психбригаду.

Переживший и впрямь суицидальное, хоть и мимолетное, помутнее рассудка Талызин меж тем сводить счеты с жизнью пока не собирался, притом что дико от запоя устал. Метнувшись к столу, он нажал на селекторе кнопку «Приемная». Тяжело дыша, обратился в микрофон:

– Галя, Эдик где?

– Эдик? А он в гараже – стартер барахлит. До обеда на ремонте, – сообщила секретарша.

– Тогда вызови такси.

Наступила тишина, даже извечные потрескивания связи запропастились.

– Галя, что-то не так? – напомнил о себе Талызин, улыбаясь уголками рта. Прекрасно понимал, отчего секретарша проглотила язык. Запивая, он до сих пор в половине одиннадцатого утра со службы не снимался. Максимально, на что отваживался, – профильтровать концовку рабочего дня. Так что, дав в столь ранний час тягу, он перекладывал всю махину хозяйства на хрупкие Галинины плечи. А поскольку ни одну производственную проблему та решить не могла, само собой напрашивалось: обрекает на муки отбиваться от начальства и всевозможных просителей, его выгораживая. Пусть снисходительность к женским уловкам подспорье...

– Может, лучше чай заварить? Крепкий-крепкий! – скорее взмолилась, нежели предложила секретарша. Загулы шефа, ее, нормальную, наделенную от природы острым охранным инстинктом женщину, да еще, как это нередко случается в отношениях «мудрый начальник-подчиненная», в него влюбленную, выматывали больше, чем самого Семена Петровича.

Талызин в душе рассмеялся, сказав:

– Мой случай, Галина, это – голая химия, такого реактива, как чай, в ней нет. Ладно, вызывай такси, – главный инженер вновь рассмеялся, но уже вслух.

Семен Петрович отключил тумблер, задумался на секунду, после чего направился к шкафу. Его отекавшее лицо, секундами ранее передававшее нехитрую палитру отупения, одухотворилось. Но не кардинальным преображением, а зарождением смысла, казалось прежде, надолго утерянного. Он споро забрался в пальто, накинул шарф, шапку и вскоре наставлял Галю, куда кого переправлять, пока его не будет на месте. В конце концов простодушно заключил:

– Знаешь что? Особо голову не ломай – к Черницкому, заму, всех футбол. Да, для всех я в облизполкоме! Если авария, звони – буду дома... Ну все, до скорого. – Талызин устремился к выходу.

– С наступающим, Семен Петрович, – произнесла секретарша шефу вслед.

Талызин застыл у двери и в некоем изумлении стал разворачиваться. Будто о том, что до Нового года всего один день, он забыл, и невольное напоминание о празднике его сразило.

Меж тем отклик главного инженера засвидетельствовал совершенно иное:

– Галя, поверь, сегодня – точка. Завтра же, как штык, к девяти, – тихо сказал Семен Петрович и был таков, на сей раз не прощаясь.

Галя вслушивалась в шум его стремительных шагов, переполняясь восхищением к одному из самых близких в ее судьбе людей: «Если бы не отечность на лице и соловеющие после очередной добавки глаза, то многим бы и в голову не приходило, что на рабочем месте шеф нередко пьет, не в силах перебороть похмелье. Больше того, соприкасаясь с коллегами, независимо от ранга, в дни запоя он подчеркнуто предупредителен, придавая движениям, казалось бы, несовместимый с беспробудным пьянством лоск».

Любопытно, что в эти минуты Талызин тоже курсировал в своем ближнем кругу, думая как раз о Галине. Месяцем ранее он проснулся совершенно голый с ощущением раскалывающейся башки и обнаружил, оторопев, что место ночлега ему незнакомо. А пробившиеся сквозь тьму очертания полуобнаженной, чем-то знакомой женской фигуры его и вовсе ужаснули: неужели «белый фаэтон»? Дама приоткрыла очи, вызволяя гостя из коварных пут полубреда-полуяви.

От осознания полного краха Семен Петрович застыл, но вскоре трусливо отвернулся и больше в сторону, оказалось, его секретарши Галины не смотрел. Когда же похмельный синдром прибрал его с потрохами, бросился из квартиры прочь.

По пути домой он лихорадочно соображал, как такое с ним, чистоплюем на давно свободном от комплексов выгоне интима, могло приключиться? Но память пасовала, мечась в хаосе мутных обрывков. В какой-то момент, через смог одурения, проступил родной кабинет и вроде бы лик Галины, трясущей его за плечо. Вспомнился еще резанувший при пробуждении свет. Однако случилось ли это на самом деле – провал в сон за рабочим столом и побудка секретаршей – он уверен не был. И так наше сознание – царство сплошных теней. Но в том, что угораздило «приземлиться» у Галины, сомнений не возникало.

На следующее утро из уст Эдика, его водителя, и самой Галины о сотворившемся конфузе не позвучало и намека. Разве что Галина чуть дольше, чем обычно, задержала на нем взгляд. Но усматривать в том акценте подспудный смысл резону он не видел – столь ненормативен был с перебору его фасад. Больше того, с тех пор секретарша даже тенью эмоций к тому злосчастному эпизоду не отсылала, будто не было ничего, и «транспортировка тела» вменена должностными обязанностями.

Так вот Тальзин ныне, в новом приступе раскаяния, стегал извилины, решая втемяшившийся ребус: переспал он с Галиной в ту ночь или нет? Если нет, то были ли с его стороны поползновения? Он слишком дорожил отношениями со своей секретаршей, ее собачьей преданностью, чтобы отмахнуться от досадного происшествия и на кладбище извечного мужского эгоизма его похоронить. Пусть промашка никакой живностью между ним и Галей не пробежала...

А пошло все вкривь и вкось в судьбе Тальзина четыре года назад, когда в одночасье он лишился дочери, жены, бросивших его без ног и ультиматумов. Разрыв супруга провернула, можно сказать, виртуозно. Втихаря перевела дочь с Владимирского пединститута в Московский, выписалась из квартиры, опустошила счет в сберкассе, поставив перед фактом: выхожу в Москве замуж, разумеется, прежде с тобой разведясь. Так что айда в ЗАГС прямо сейчас! А с Ларисой, дочерью, конечно же, общайся, каникулы, то да сё, и сам приезжай. Меня же, забудь! Навсегда!

И он, крепкий, прочно стоящий на ногах мужик, запил, хоть и не сразу. Поначалу пропускал рюмку-другую по вечерам, дабы приглушить боль, казалось ему, распарывающую душу на лоскуты отчаяния. Помогало не очень, так что доза постепенно росла, в конце концов перескочив границы разумного. Не успел он и оглянуться, как понял: настоящая зависимость, вцепившаяся в психику верткими щупальцами-присосками. Сказать, что отчаялся, то нет. Как цельная, состоявшееся личность Тальзин твердо знал: он сильнее. Без особых усилий «колючку» пагубы отцепил, худо-бедно свыкнувшись с породившей ее трагедией. Тем временем натянулся мостик между ним и дочерью – то в Москве, то во Владимире они встречались, трамбуя новую, осознаваемую, как данность, колею. Но тут сорвавшийся разок-другой, Тальзин постиг: бороться с питейной напастью – до скончания дней, совсем не насморк...

На дворе «стояла» перестройка, своим тараном против таких как он, управленцев и хозяйственников высшего звена, и обращенная. Когда предложили годичную командировку в Ирак – запустить энергетический комплекс южного региона – не раздумывая, согласился. Однако, по прибытии, раскаялся – столь дремуч оказался арабский Восток, разве что кресло под тобой не шатается. Вновь обратился к бутылке, но, в общем и целом, в руках себя держал, да и тропический климат был на руку.

В начале девяностого вернулся в Союз, отринув слезные просьбы Минпрома Ирака продлить контракт. Затхлый мирок советской колонии, но главное, слабая выучка и неисполнительность иракского персонала осточертели, да так, что перестроечная чехарда на родине уже казалась благом. До первого контакта, однако.

Зев безвременья засосал, как перышко, и, казалось, шансов выбраться из той воронки – почти никаких. Все трещало по швам: держава, сама перестройка – фазы просроченных похорон, экономика, нравы. Приоритеты общества девальвировались, не успев себя обозначить, в то время как полки магазинов, опустев, покрывались пылью серой-пресерой тоски. Но самое трагичное – до насущных проблем граждан никому не было дела. Под шумок своенравничающей истории все что-то делили, перелопачивая вторсырье обанкроченного общества. Причем дела не было ни к чему, в абсолюте, даже к его пьянству, одолевшему главного инженера вновь. В любые другие времена со столь ответственной, стратегически значимой должности после первого же срыва выперли бы.

Единственное, что процветало, так это «частный извоз». Любой кооперативщик в новой, алчно скалящейся шкале ценностей высился над академиками, директорами заводов, прочим элитарным людом. Впрочем, не диво. Артельщики хоть что-то производили, в то время как дезорганизованная промышленность была не способна скроить и саван для самой себя.

Тут Талызин с изумлением открыл, почему, собственно, его жена бросила. Ведь никак не складывалось, как столь завидного спутника, как он, можно было отправить в отставку, безоглядно ломая семью. И не в молодые, пыжащиеся максимализмом годы, а во второй, короткого бабьего века, половине пути. Он пробовал выведать у дочери, кто злой демон, оторвавший буквально с мясом любимую супругу, но с женской непосредственностью, а может, изворотливостью та каждый раз забалтывала ответ. Меж тем днями случайно выяснилось, что избранник Вики – в недавнем прошлом известный в узких кругах теневик, а ныне – крупный и, уже совершенно легальный, поставщик персональных компьютеров, мультимиллионер. Месячная зарплата Талызина, со всеми накрутками – пятьсот «деревянных», – не более чем банковская обертка, коей «брикетки» женокрада оборачивались...

Открытие Талызина потрясло. Но не подоплекой предательства, а весьма парадоксальным умозаключением: инстинкт самосохранения у самки тождественен кругозору доктора экономических наук. В восемьдесят шестом лишь звериным чутьем можно было ущучить, что преуспевающий хозяйственник спустя четыре года себя едва прокормит, а семью – промолчать лучше. Этим же шестым чувством Вика в студенческой массе выделила Талызина, сделавшего, как она и прогнозировала, блестящую карьеру, но, сполна выбрав его ресурс, буднично перешла к более перспективному другому.

Похоже, не зря кем-то сказано: с чувствами у женщин не густо, зато интересов – хоть отбавляй...

Оставшись один, главный инженер поначалу замкнулся в ракушке глухого неприятия женщин, но мало-помалу осознал: дуться на весь мир – недостойно зрелого мужчины, да и природа брала свое. Заводил скоротечные связи, по большей мере, в командировках. Дома, ему казалось, захоти он устроить личную жизнь, его ждут издевки, да насмешки: раззява-рогоносец и, как несложно предположить, импотент... За спиной и впрямь судачили, но, в основном, завистники. Большинство же жалело. Талызин снискал репутацию грамотного, но главное, честного руководителя. Подчиненные его уважали, зато наверху недолюбливали – за редко встречающуюся у руководителей такого ранга чистоплотность и прямоту.

В такси, по пути домой, Талызин склонился к мысли, что разобраться с месячной давности казусом не дано – дело темное. Вполне вероятно, что, имея на него виды, Галина затащила к себе сама. Зная его щепетильность, а с известных пор – и настороженность к женщинам, терпеливо дожидалась повода к сближению. По причине его частых запоев предлог должен был рано или поздно объявиться, что и произошло. Заполучив не вязавшего лыка шефа «в прокат», руководствовалась немудреной формулой: клюнет – отлично, случись наоборот, так обяжет – ведь подставила дружеское плечо. «Так что на кофейной гуще не гадай и сохраняй прежний профиль – ровных, доверительных отношений», – заключил Талызин, навсегда закрывая тему.

В квартире он поначалу навел порядок: собрал валявшиеся повсюду бутылки, большая часть из которых – «Дюшес». Нацелившись еще вчера завязать, весь вечер вымывал из организма скопившиеся яды. Но выходило не очень – время от времени он потягивал спирт, пока «анальгетик» не кончился. Иного, более щадящего напитка – следствие горбачевской антиалкогольной компании – в городе не было. Впрочем, не было и другого. Магазины в обед выбрасывали ящик-другой водки, провоцируя драки, а то и поножовщину.

Прослышав об очередном «путче страждущих», Семен Петрович добрым словом поминал Ирак. Там, на отшибе цивилизации, где религией алкоголь строго-настроено запрещен, отовариться анисовкой – дело плевое. Знай лишь места.

Спирт же ему подкидывал дальний родственник, инженер-химик, зав. лаборатории завода «Химпласт». Но при последнем заборе разочаровал: «Больше не рассчитывай, у нас по всей номенклатуре недопоставки. Производство – на грани срыва».

Вот и чудно, подумал Талызин, наконец образумлюсь. Тем временем в глубине души покалывало: кого бы еще поднапрячь?..

Семен Петрович заварил полный термос чая и поплелся с ним в спальню, на боковую. При этом прекрасно знал, что до утра глаз не сомкнет. Предстоит вздергивающая на дыбу ломка: метания между диваном и кроватью, контрастный душ да вопли-проклятия «Почему так паскудна жизнь?!»

И так до рассвета. Жестокий постзапойный синдром. Кто только назвал его белым? Боль безумия бесцветна. Вот-вот начнется...

Глава 4

29 декабря 1990 года, 18:30 г. Москва, спорткомплекс «Олимпийский»

Разминка перед матчем «Уралочка» Свердловск—«Динамо» Москва заканчивалась. Судьи сверялись с часами, открывал протокол игры секретариат. Минута-другая – и команды пригласят на построение.

Между тем трибуны спортивной арены практически пусты: три-четыре десятка воспитанниц московских ДЮСШ и дюжина тренеров.

Это еще что – можно сказать аншлаг! На предыдущем домашнем матче «Динамо» – ни одного зрителя. Но сегодня в гостях гранд – действующий обладатель кубка европейских чемпионов, флагман отечественного баскетбола. Вот и загнали прилежных девчат в мастер-класс.

Канун Нового года апатию болельщиков вовсе не объясняет. Равно как и перестройка, режущая по живому людские судьбы, здесь ни при чем. Такова участь всего женского баскетбола на свете, не стимулирует приток зрителей даже бесплатный вход. Опустим WNBA, разумеется.

На фоне скучноватой предматчевой рутины и пустых трибун выделяются трое мужчин, обособившихся в стороне от островка зрителей. На отколовшихся посматривает тренерский корпус, вводя трио в смущение. И троиче невдомек, откуда к ним, вроде ординарным особам, совсем не праздный интерес.

Вскоре фракция зашушукалась, внешне выказывая, что не прочь сменить координаты. Но тут прозвучал свисток, обративший взоры жиденькой торсиды на площадку.

Как бы там ни было, трио действительно аттракция. Хотя бы тем, что узкому, давно перезнакомившемуся миру женского баскетбола оно незнакомо. Кроме того, несложно определить: двое из группы – иностранцы, да и соотечественник – товарищ непростой, иной, отличной от «гомо советикус» ковки. Между тем вторжение тех или иных соглядатаев не предвидится, им сейчас явно не до спортивных баталлий.

Собственно, на это и рассчитывал «непростой товарищ», приглашая двух гостей столицы в спорткомплекс «Олимпийский». Он – не много не мало зав. сектора арабских стран в Первого Главного управления КГБ, подполковник Александр Черепанов, с недавних пор – крот-инициативник израильской разведки.

Один из его соседей сюжета уже знаком как «Старик» или Шахар Нево, агент спецпоручений «Моссада», вчера вечером, несмотря на заминку, успешно преодолевший погранконтроль «Шереметьево». Ну а третий – где лишний, а где не совсем – Аллен Розенберг, корреспондент «Вашингтон пост» в СССР, тот самый резидент-непрофессионал, заочно представленный Шахару в Тель-Авиве. Он и приютил «грузина» по прибытии на вдвойне историческую родину (намек на его настоящую и позаимствованную биографию). Вдобавок организовал саму встречу, еще позавчера получив ретранслированную через Париж шифровку.

Казалось бы, на самом randevу Розенбергу делать нечего, поскольку шпионом, в классическом понимании ремесла, не говоря уже главой резидентуры, он не является. Так, порученец, не более. Тем не менее он сегодня единственный поверенный «Моссада» в Москве, что, впрочем, объяснимо. Ведь своего диппредставительства, по сути, гнезда шпионажа, укрытого национальным флагом, у Израиля в СССР нет. Вот и подрядили многолетнего саяна*, некогда сотрудника Госдепартамента США.

На его участии во встрече настоял Шахар, предвидя, что разговор с подполковником выйдет непростым, стало быть, его базовый русский – тормоз, и без суфлера не обойтись. Могучим же Розенберг владеет свободно.

– Думаю, нас приняли за западных агентов-селекционеров, присматривающихся к советским звездам... – заговорил, разрывая паузу, Черепанов. – В последнее время те зачастили к нам, но, думается, больше слухами. Стало быть, остаемся, – рассудил инициативник.

Шахар слегка повернул голову, сигнализируя обосновавшемуся на ряд выше Аллену: растолкуй. Тот перевел, используя английский.

Выслушав подсказку, «Старик» кивнул, подкрепляя отклик живой миной на лице: мол, вполне разумное объяснение. Между тем в переводе, как таковом, он не нуждался, хотя и выхватил из неровного, комкаемого плохой дикцией слога лишь «селекционер». В иврите и русском этот термин – идентичен, так что, призвав толмача, хотел только в своей догадке убедиться.

– Давайте, к делу, – сухо предложил Черепанов, устремляя взор на площадку, – «селекционер» как-никак. Несмотря на внушительность образа – человека, познавшего власть и успех – мимолетные наплывы суетливости у москвича подсказывали: он нервничает.

Шахар рассматривал свою левую кисть и, казалось, призыв обналичить тему встречи мимо ушей пропустил. Но вдруг, резко убрав руку в карман, откликнулся:

– У меня просьба, Саша: говори медленно и простым языком – меньше уйдет время. Мой русский – плохой. На Аллен тогда экономия...

Черепанов пожал плечами, будто соглашаясь, и призывно уставился на гостя: давай, начинай.

Но тот явно не торопился, то бросая на собеседника неясные взгляды, то задумываясь. Словно соотносил внешность Черепанова с заготовленным планом-болванкой, подбирая резцы.

– Саша, нам нужно одна вещь отправить в Ирак, – в конце концов, объявил Шахар. Чуть отстранившись, ненавязчиво посмотрел на визави.

– Куда? – просыпал раздражение Черепанов, но не сразу, спустя несколько секунд. Казалось, раздумывал, послышалась ему просьба гостя или нет.

– В Багдад, Саша, – уточнил Шахар.

– Как понимать отправить? Почтой, телеграфом? – затребовал конкретики Черепанов. – И что именно?

– Одна вещь, маленькая... Длина – четыре сантиметра. Ее должен... – Шахар замялся, после чего обратился к Аллену: – Как по-русски to deliver in person?

– Доставить лично, – подсказал коллега.

Черепанов уставился в пол с простецким прищуром. Казалось, близок к некоему разоблачению, но какому? Не распаял свое воображение и Шахар, невозмутимо дожидаясь отклика.

Тут израильтянин выбросил руку вверх, воскликнув: «Какой корзина!» * Живо повернулся к Розенбергу, будто поделиться впечатлениями. Его встретил холодный, отрезвляющий взгляд и шепот: «Очко, Давид».

Подсказка Шахара лишь распалила. Метнувшись к Черепанову, он хлопнул того по колену с возгласом: «Видел очко?!»

Инициативник со смесью недоумения и протеста осмотрел ногу, затем Шахара и Розенберга. Чуть придвинулся, спросил:

– Давид, скажи, я здесь при чем?

Казалось, «Старик» решает задачу: сосед подразумевал фривольный жест или его просьбу, извлеченную из рюкзака шпионских тайн лишь на треть? Дабы прощупать, не спугнув раньше времени...

– Ты наш друг, Саша, – сообщил Шахар, растекаясь в улыбке. Меж тем был предельно собран, будто в преддверии горна боевой тревоги. Продолжил: – Мы тебе защищаем, но и ты... должен нас защищать.

Черепанов поморщился, будто пресытившись избытком общих слов.

– Можно конкретнее?

Шахар почесал висок, недвусмысленно передавая, что с конкретикой пока дефицит. Отвернулся от Черепанова, нацеливая внимание на площадку. Но вдруг, как снег на голову, огрел тоном, не терпящим возражений:

– Дело так, Саша, есть два возможности. Первый: ты ездить в Багдад с наша вещь. Второй: давать человек, который может ехать.

Монументальный фасад москвича, как стряхнуло, он обреченно сгорбился. Казалось, разоблачение, наконец, свершилось. Но вывод ужасен: за руку схвачен он сам и, кроме себя самого, в злословии винить некого.

– Дальше... – отрешенно отозвался инициативник.

– Это все, Саша, остальное – мелкие штучки. Может, поговорим, а может, нет. Зависит... – Шахар оборвал очередную мало познавательную, зато полную воздушных ям фразу.

– Надо подумать, смотрите матч, – откестился от ответа подполковник.

Было это совпадением или нет, но проснувшееся после десятичкового отставания «Динамо», как и Черепанов, тоже взяло таймаут. Субъекты различались лишь тем, что дефицит подполковника измерялся ни очками и ни секундами, а весьма эластичной категорией – совестью, которая в крутые времена склонна растягиваться, точно эспандер.

Между тем, если отстраниться, то ничего кошунственного, утробно омерзительного Черепанов против своей страны не совершил. Безоговорочно его проступок тянул лишь на одно – воровство, а с учетом масштабов содеянного, – хищение в крупных размерах. Любой же отсыл к государственной измене, им совершенной, – пафос, поскольку само понятие национальных интересов – преступно, причем, органически. Ведь отстаиваются оные за счет ущемления интересов других, порой ввергая целые этносы, а то и регионы в упадок.

Больше того, в случае Черепанова, квалификация воровства, как таковая, грешит натяжкой, если не изъясном интерпретации, ибо переданные «Моссаду» за вознаграждение сведения были некогда добыты, по общечеловеческим меркам, противоправным путем, как-то: подкуп, шантаж, оголтелое пренебрежение законами. Только действовал не преступник-одиночка, а могучая, одетая в броню неподсудности государственная машина, не испытывавшая малейших угрызений от того, что сует длинный нос в дела, по большей мере, дружественных СССР режимов.

Словом, классический пример: вор у вора дубинку украл...

Ко всему прочему, у проступка Черепанова были сразу два смягчающих вину обстоятельства. На момент измены подполковника (сентябрь 1990 г.), СССР числился государством скорее на бумаге; судьба Страны Советов просчитывалась все с большей очевидностью. Кто-то скажет: подло вдвойне! И конечно, будет прав. Только любой отсыл к нормам морали Союз не реанимирует...

Оправданием служила и принадлежность Черепанова к гебешной элите. Проведенная Хрущевым в середине 50-х санация органов госбезопасности, с показательной рубкой голов, ныне, в атмосфере тяжелого посткоммунистического похмелья, буквально напрашивалась как пример для подражания. Самое время было окапываться, но лучше – архивы подчистить.

Между тем Черепанов предпочел архив курируемой им структуры не проредить, а продать. Причем не за тридцать серебряников, а затребовав взамен статус политического беженца. Ни о каких деньгах в его предложении «Моссаду» речь не шла.

Моссадовцы и, глазом не моргнув, согласились, но, завязав сотрудничество, на сроки эвакуации напускали туману. Между делом запрашивали новые изъятия, заталкивая в очередной пакет инструкций желто-коричневые упаковки. Они пухли, по мере того как покупательная способность рубля ежедневно, чуть ли не в геометрической прогрессии, падала.

Оказалось, что запрошенный Черепановым тайм-аут никакой пользы засланцу из Тель-Авива не сулил. Инициативник даже не подумывал искать отмычку к моссадовской задаче-головоломке. Прихваченный мохнатыми лапами хандры, он сокрушался, что его, матерого профессионала, элементарно надули. В итоге он не только прошляпил искомое – эвакуацию с терпящего бедствие корабля, а провалился на самое дно опасного, им же замышленного предприятия.

Здесь важно отметить: подполковник примерил платье Иуды неспроста. Суть предис-тории измены в том, что, в силу ведомственной специфики, загранпаспорт ему не светил. Выбраться на спасительный Запад, в его случае, можно было лишь по заморскому подложному, либо дипломатическим багажом. Что в первом, что во втором варианте без влиятельного покровителя в лице иностранного разведведомства – не обойтись.

В этом тупике и произросла у Черепанова идея соблазнить «Моссад» уникальными нара-ботками службы по Ближнему Востоку. Его доступ к региональному «пакету» сверхсекретных материалов был особо важен лишь им. Все прочие разведслужбы тянули бы резину, приножи-ваясь на предмет подвоха, мудреной западни.

«Какого маху я дал! – тем временем попрекал себя подполковник. – Был бы новичок – другое дело. Ведь чем прочие разведки лучше нас? Те же заезженные небогатой фантазией методы: заигрывание с сильными и циничная „аренда“ допустивших слабину. Меняться следо-вало лишь баш на баш: „пакет“ на немедленное переселение. Теперь моя участь плачевна: навя-зывая все более рискованные поручения, отождут до последнего, пока не засвечусь. К примеру, эта ошарашившая вводная: чистая подстава, прямая дорога под трибунал. В „Моссаде“ же знают: без визы начальства я не то что в Ирак, в Щелково не сунусь. И что значит дать чело-века? Кого? От одного слова „Ирак“ и прожженный зек в штаны наложит! Оставим побоку, что задача нереализуема даже технически – пусть все распаталось донельзя. Границы – по-преж-нему на амбарном замке, этим все сказано. Кто провернет такое? Разве что... Матиас Руст? Но тот два года как дома, ко мне зачем ломятся?»

– Саша, учти: у тебя несколько дней, – бесстрастно дорисовал задачу Шахар, поворачи-ваясь.

Черепанов зажмурился, точно ослеплен ярким светом или сбивая оторопь. Сквозь зубы процедил:

– Несколько дней для чего?

– Поехать в Ирак, иначе не имеет смысл... – разъяснил израильтянин.

Инициативник ухмыльнулся, навлекая на себя добродушно-ироничный вид.

– Ты, Давид, с какой горы свалился? Или, может, из Негева после годичной лежки выполз?

Шахар запрокинул голову, давая понять Аллену: переведи. Выслушав перевод, прила-дился к креслу. Осмотрел утепленные ботинки, которые до командировки в Россию ни разу не одевал, и, приподняв ноги, потер друг о друга контуры подошв.

Взор Черепанова проследовал туда же, подполковник насторожился. Не исключено, высматривал выдвижное жало.

Тревожился между тем он зря. Шахар резко перевернул пластинку – на лицевую, уже звучавшую сторону – любезности, почему-то лишь подбавившей колики страха у соседа.

– Просили тебе сказать, Саша, на твой имя открыли счет – твердые деньги. Если с вещью удача, сто тысяч...

– На какой хрен они мне! – взорвался подполковник, не дав Шахару договорить. Огля-нувшись, развил мысль: – Вы что, все оглохли и ослепли?! Без разрешения начальства я в туа-лет не хожу! Куда ехать? Сплошная стена, в отличие от Берлинской, в пять рядов. Пока рухнет, годы пройдут. А ты говоришь, дни... Но все это так, между прочим... – Подполковник осекся, потупившись.

– Какая беда, Саша? – Шахар струил светлое, как у ребенка, изумление.

– Мы так не договаривались, – пророкотал Черепанов, прежде зло кивнув в сторону резидента-толмача. – Пока не вывезите, пальцем не пошевелю.

Шахар встрепенулся, просигнализовав устремленным ко лбу жестом: надо же, запомнил.

– Саша, забыл! Просили сказать: заберем – сразу после задания. Через наши друзья... Совсем скоро!

Рот Черепанова в мгновение ока переполнился слюной, которую ему остро захотелось сплюнуть. В поисках урны подполковник осмотрелся. Но ничего не найдя, шумно сглотнул. С видом бывалого дуэлянта изрек:

– Не выйдет, ребята, баста! Надо же куда – Ирак...

– Ты знаешь итальяно, Саша? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Шахар. – Почему не сказал? Аллен бы пойти отдохнуть...

– Я знаю одно: довелось идти на красный – машину бей, но голову береги, пригодится...

Казалось, Шахар обречен обратиться к Аллену за подсказкой. Помимо нечеткой дикции, Черепанов грешил солдафонскими метафорами, о просьбе облегченного слога позабыв. Между тем разъяснения «Старику» не понадобились, хватило одной интонации. Кроме того, отповедь подполковника он предвидел еще в Тель-Авиве, ознакомившись с подноготной дела. «Абонентом на тот свет» в розницу не торгуют, без массового психоза – дудки. Случай же Черепанова иной – цинично выверенный расчет.

«Отработай его до конца, заартачится – не церемонься, – Шахару вспомнился инструктаж Биренбойма. – Он – на мертвой полосе, между двумя всемогущими призраками – куда денется... Но и не переусердствуй, Черепанов – русский как-никак. Их, дружище, ни с кем не спутаешь – юшкой лицо залито, а фасон держат. Будто сейчас вижу. В общем, по обстоятельствам, как всегда».

Шахар водрузил на спинку кресла руку и с ликом дружеского расположения стал придвигаться к Черепанову, будто намереваясь обнять.

Между тем жест зависшего напряжения не развеял. Напротив, лишь укрепил – Черепанов слегка отстранился. Выглядел готовым дать отпор, случись Шахар замыслил недоброе.

Расслабленная рука израильянина приподнялась, чтобы, казалось, соседа обнять. Однако приземлилась не на предплечье Черепанова, а проникла подмышку. Молниеносным, почти неразличимым движением Шахар сжал трапециевидную мышцу соседа, но тотчас отпустил.

Глаза Черепанова выкатились, все в сетке красных прожилок, рот приоткрылся и в овале недоумения подмерз – боль ведь исчезла, столь же внезапно, как и явилась. Судя по прежнему виду – следящего за матчем болельщика – даже сидящий наверху Розенберг ничего не заметил.

Шахар склонился к подавившемуся «О» Черепанову и, умастившись, зашептал.

– Брат, подумай хорошо... Сначала подумай, потом говорить... Кто заставлял тебя и меня идти в разведка? И тебе, и мне говорили: раньше подписать, положи на весы, потом будет поздно – себе уже не хозяин... Посмотри, что получается... Твой папа и мама – офис... У тебя нет жена, нет дети, вместо них – задание... Пока ты делаешь хорошо, продолжать работать. Если... – Шахар задумался подбирая слово – сел в вода, пенсия – самая маленькая наказание. Ты... думаешь... я хочу вернуться домой в железный ящик... Или... я хочу тебе горе, совсем ошибка... Я – твой товарищ и помощник, моя голова рискует, наверно, больше... Но, кроме тебя и меня, это сделать никто... Я думаю, ты сам понимаешь... Поверь... мы проверили... У «Аэрофлот» в Багдад еще два рейс, потому я здесь... – Шахар замолк, убирая руку, покоящуюся на спинке соседнего кресла.

Тут живое, переливающееся множеством оттенков лицо тель-авивца претерпело разительную перемену: в считанные секунды осунулось, посерело, будто лишившись кровяной под-

питки. Да и весь образ – как подменили. Еще недавно уверенный в себе, артистичный Шахар опустошенно смотрел на площадку в полном отрешении. Легкие, проворные руки отяжелели, казались чужими. Но больше всего бросалось в глаза иное: не замечалось и всполоха былой наигранности, нарочитой перемены ликов, точно засевший в недрах кукловод ловко дергает за ниточки, извлекая, со сменой обстановки, подходящий образ. Так что ничего не оставалось, как поверить, что нашептанный монолог – искренен, если, конечно, не выдохся...

Черепанов тем временем учащенно мигал и могло показаться, что выстраивает озвученные сентенции соседа в удобный для усвоения ранжир. На самом же деле постигал не смысл сказанного, а необычный стиль его передачи.

Еще ни разу в его богатой биографии функционера спецслужбы прямая угроза не облачалась в нормальные, если не душевные слова, совсем не ставя цель запугать, лишит веры. Скорее, наоборот. Озвученное замышлялось ту самую пошатнувшуюся, но столь важную для рискованного начинания веру упрочить. И не в качестве одноразовой инъекции, беспечно запускающая «божественный ветер», а оттого, что человеческое у пришельца его суровым, не терпящим душевных вольностей ремеслом не вытравлено. Более того, оно не банально примазалось к столь знакомому, тысячекратно отведенному за годы жизни в разведке скотству, правящему в епархии бал, а бытует ему вопреки.

Между тем Черепанов не испытывал малейших иллюзий насчет переданного ему посыла, как бы мягко тот ни был в монолог вплетен. «Железный ящик» примеряется именно к нему, потому и упомянут. Случись он улизнет от задания, «спишут», и наиболее вероятно, руками пришельца-златоуста. Ведь жизнь двойного агента до смешного дешева – кому раньше перейдешь дорогу. Тем не менее подполковник испытал какой-то необычный подъем, что повестку в преисподнюю ему зачитали щадящими, если не по-братски выверенными словами, хоть и предварив иезуитски исполненным «шелбаном»...

Черепанов откинулся на спинку кресла, бросая косые взгляды на соседа. К своему удивлению, открыл, что пришелец от действия отпочковался, будто устал или разочарован. Но спустя некоторое время москвич вспомнил, что, собственно, его очередь «вводить в из-за боковой мяч».

Шла пятнадцатая минута баскетбольного поединка, и Черепанов подумал, что в перерыве их пестрой компании лучше ретироваться. Назначая randevu в столь экзотичном, зато, ему вначале казалось, безопасном месте, он не предполагал, насколько трудным окажется разговор, не преодолевший пока и экватора.

– Давайте, поговорим нормально, – заговорил, сдвигая шторку неловкой паузы, Черепанов, – расскажи все толком и... подумаем.

Шахар продолжал блюсти суверенитет своей «скорлупы», не высывая носа. Зато Розенберг без всякого уведомления, резко согнувшись, нашептал соратнику перевод. Тем самым выдал, насколько велик у «Моссада» к операции интерес.

– Да-да... – рассеянно откликнулся Шахар, не поворачивая головы, но прислоняясь к спинке. – Конечно, Саша, только нормально, именно...

– Тогда... объясни все сначала, приняв в расчет, что моя поездка в Ирак исключается. Вот что еще: давай... через Аллена, время дорого. А в перерыве уйдем. – Черепанов кивнул в сторону зрителей, давая понять: лучше перебазироваться.

От прямого перевода Шахар между тем отказался, хоть и, по мере детализации вопроса, разок-другой обратился к Розенбергу за терминологической поддержкой. Прежде чем прозвучал свисток на перерыв, Шахар доходчиво, хоть и языком солдатского разговорника, разъяснил, что, по достоверным сведениям, некоторые советские военные и гражданские советники Ирак покидать не собираются, кроме того, из Союза ожидается подкрепление. Да, массовая эвакуация персонала – полным ходом, но она не более чем дипломатический, призванный дез-

ориентировать коалицию маневр – СССР далеко не готов распрощаться со своими интересами в Ираке. Более того, ряд советских ведомств, в обход официальной позиции Кремля, заключили с аналогичным иракскими структурами частные контракты, разумеется, за внушительный «откат».

Суть же задачи: вывести на командированного в Ирак специалиста, разумеется, не лишённого перспектив вербовки. Каких-либо предварительных переговоров с тем не проводить. Все, что нужно: подбор удачной кандидатуры и полное на нее досье. Остальное – за гостем.

По пути в метро трио хранило молчание, не выказывая и намека на общность интересов: то двигалось случайной цепочкой, то вовсе рассеивалось. Между тем каждый думал о своем. Черепанов о том, какими, помимо него, израильтяне пользуются источниками информации, поскольку весть о советской «пятой колонне», призванной осложнить оккупацию Ирака, его буквально выбила из седла. Откуда пронюхали? Каких-либо очевидных доказательств в пользу ее формирования у подполковника не было, разве что разрозненные, наводящие на гипотезу детали.

Шахар тем временем продолжал хандрить. Минутами ранее его настигло: план Биренбойма, каким бы дерзновенным и мужественным он не выглядел внешне, по сути, без закладных, ибо построен на неисследованных, теоретических возможностях Черепанова, у которого, союзники-сообщники, столь актуальные для подобной операции, по определению, водиться не могут. Ведь крот – синоним волка-одиночки, питающегося без премудростей – тем, что плохо лежит или бежит. Для Биренбойма, профессионала экстра-класса, эта закономерность не секрет. Стало быть, операция – скорее причуда его буйной фантазии, нежели ушлый замысел. Нечто среднее между неизбывной женской верой в «золотой ключик» и массовым поклонением бессмертному идолу «Авось», каким бы фокусником Дорон ни был...

Тем самым, напрашивалось, что спецаргента и инициативника сознательно «разменяли», заведомо зная, что дуэту доведется прошибать лбом корпус самой могучей тоталитарной машины. Оттого Биренбойм и наставлял: «Отработай его до конца...» Но при этом умолчал: им обоим из передраги не выкарабкаться.

На поверку оказалось, что волшебной палочки у подполковника нет и быть не могло. И, судя по его первой реакции, бездумно совать голову в петлю он не торопится. Но, куда не гляди, швартовые отданы и цель – достойнее не бывает. Поборемся...

На эскалаторе Черепанов сблизился с Розенбергом, тихо заговорил:

– Похоже, в Министерстве обороны и правда нечто замышляется, но мои шансы там кого-либо зацепить – нулевые. С кондачка такое дело не осилить. И если честно, то о закулисной игре в Ираке я впервые услышал от вас, хоть кое-что намеками доходило. Но прознав, сразу вспомнил: есть зацепка... по гражданской линии... Завтра сверюсь, если, получится... А вечером, после работы, обсудим...

Черепанову и моссадовцам было не по пути, так что завершив спуск, они бессловесно расстались. Между тем вскоре подполковник боковым зрением заметил: израильтянин у него за спиной.

– Саша, брат, извини, узнать ты должен сегодня... Завтра, утро, в семь, жду тебе здесь. Запомни еще: целый страна на тебе надеются, – сбивчиво проговорил Шахар и испарился.

Добираться до дому подполковнику минут сорок – предпоследняя остановка. Зайдя в вагон, он заметил несколько свободных мест, но даже не сдвинулся – ухватился за ближайший поручень. Ему казалось, что в сидячем положении его будет выдавать мерзкая дрожь, охватившей тело и помыслы едва прозвучало за спиной «страна». Звериным чутьем Черепанова настигло: навязываемая затея – отнюдь не преходящего, тактического свойства. Призвав пафос, израильтянин не актерствовал, а был предельно искренен. И там, в «Олимпий-

ском», и напутствуя минутами ранее на платформе. Причем вопреки всем канонам шпионского ремесла, центральный постулат которого – тщательный камуфляж намерений и движений души. Стало быть, средиземноморского эмиссара в Москву привела не очередная прореха, коих не счесть в работе любого разведсообщества, и даже не государственные интересы – что только под этот ранжир не подводят – а какая-то громадная, национального приоритета проблема. Коль так, то замаячивший в ходе недавней встречи трибунал – весьма мягкая и отдаленная перспектива. Его угораздило вляпаться в сам иракский кризис, но не мелкой сошкой, а наводчиком необыкновенно важного боеприпаса. Но самое трагичное: стань он отлынивать, израильтяне без всяких сантиментов его шлепнут.

На следующей остановке подполковник сошел и пересел в поезд, следующий в противоположном направлении.

Глава 5

30 декабря 1990 г. 14:00 трасса Москва-Владимир

Шахар топтался у обочины шоссе, теряясь в мыслях, куда путь свой держать, – ему казалось, впервые за свою богатую на сюрпризы биографию профессионального авантюриста. Причин сразу несколько, но главная из них – смутно представлял, где находится. Час назад он выехал из Москвы во Владимир на рейсовом автобусе, на первой трети пути в чистом поле ставшем из-за поломки на прикол. Десять перегруженных котомками, проклинающих всех и вся пассажиров и он, единственный мужчина, совершенно ошарашенный, выброшены на обочину. Водитель автобуса запер двери и растворился в густом тумане, перейдя на противоположную сторону шоссе.

Во вспыхнувшей между водителем и спешившимися дамами перебранке Шахар открыл: разговорный, привязанный к местным реалиям, русский, да еще на повышенных тонах, он понимает слабо, однозначно разобрал лишь слова «милиция» и «давай». Все же, несколько успокоившись, склонился к мысли: «Киржач», «Покров» – названия населенных пунктов, судя по развороту события, близлежащих. Именно эти звуко сочетания чаще всего звучали в торопливой речи водителя, отбивавшегося от норовивших взять его в клещи дам. Но, в какой связи они упоминались, а главное – куда отсылали – направление Москвы или Владимира? – он не представлял.

Впрочем, подумал он, какая разница? Владимир – прежним курсом, на восток, кровь из носа до шести туда добраться. Но крайне важно: ноги и душу дерзкого лазутчика не промочить. Советская виза Шахара обязывала зарегистрироваться не позже, чем сегодня, в тбилисском ОВИРе, запрещая малейшее отклонение от маршрута Москва-Тбилиси-Москва. «Кустанаец» даже не взял ее с собой – передал вместе с паспортом на хранение Розенбергу, совсем недавно провожавшему его на Щелковском вокзале. Лучше без роду и племени, чем с грозящим северным лагерем ярлыком. Без компрометирующей визы, при задержании, хотя бы под психа косить может...

Между тем с самого утра в Подмосковье валил снег, сменив дождливую, явно не по сезону, погоду. Видимость на глазах ухудшалась: пелерина из мохнатых белых хлопьев на фоне густеющего тумана. Идеальная погода для скоропалительных заговоров – в стране, снаряжающей без рации междугородние автобусы...

Потеряв трусливо дезертировавшего водителя из виду, рассвирепевшие «мешочницы» принялись за Шахара. В словесном потоке вновь замелькали «милиция» и «давай», в ответ он лишь сипел, симулируя потерю голоса и отчаянно вспоминая как по-русски «охрип». Тут его стали хватать за рукава и осыпать относительно краткими, но как и прежде усваиваемыми лишь интонационно тирадами: «не мычит не телиться», «как с козла молока», «мужик ты или кто?» Заложник знаменитого русского бездорожья тем временем с опаской поглядывал на проходящий транспорт: под разбор, не дай бог, желтый цвет патруля, зазываемый горе-попутчицами...

Шахар незаметно выскользнул из круга обращенных скорее к Господу, нежели к нему призывов и потопал к передней двери автобуса. Прощупал стыки и почти незаметным нажатием распахнул ее настежь. От несогласия отточенных движений с недавним мычанием «тютя», как Шахара окрестила одна из попутчиц, дамы поначалу дружно замолчали, но вскоре споро – друг за дружкой – забились в автобус обратно. «Тютя», точно швейцар, деловито загружал их поклажу и так же, как и водитель, четвертью часом ранее, в снежном тумане растворился. Тем не менее сторону дороги не поменял: по обочине продвинулся метров сто во владимирском направлении, присел на корточки. Собирался с мыслями, наблюдая за движением транспорта. Отметил про себя: средняя скорость ежеминутно падает. Непогода.

Нечего околачиваться, встряхнулся он, в таком виде точно примут за психа и в какую-нибудь каталажку упекут. Голосуй, перебирать нечего. Шахар вскочил на ноги и, развернувшись к движению анфас, призывно выбросил руку.

Из-за обильного снегопада лица водителей пронесившихся мимо автомобилей почти не просматривались, вследствие чего Шахар склонился к выводу, что, не исключено, его попросту не замечают. Далее он обратил внимание, что линия шоссе за ним резко уходит вправо – автомобили притормаживают, зажигая тормозные огни.

Если и есть шанс кого-то остановить, решил он, то за поворотом, где скорость мала. Вперед. Поглубже натянул шапочку, зашагал по снежной каше. По мере продвижения определился: «Голосую – четверть часа. Не получится – возвращаюсь к мешочницам. Сплошные поля, признаков жилья нет и в помине. Ногам уже мокро, с непривычки раз плюнуть заболеть. Угроблю себя и задание».

Он продвинулся еще полтора метра, за поворотом остановился. Двигается фура с прицепом, замахал, но вновь без толку – мимо. Сверился с часами: до установленной квоты «плаучести» – десять минут. Тут его губы искривились в подобии улыбки. Сообразил: то, чем он сейчас занимается, по-русски «ловить попутку». Водитель рекомендовал именно это, прежде чем с концами исчез. Странно, подумал он, почему сразу не догадался? Ведь все так просто: по пути...

Появилась легковушка, угадываемая скорее треском двигателя и зажженными фарами, нежели габаритами. Шахар взмыл обе руки над головой, замахал, надвигаясь на проезжую часть. Сердце заколотилось, вздымая адреналин в крови, – авто, вместо разгона, следуемого за поворотом, начало притормаживать. Увидев, что водитель берет вправо, отскочил на обочину.

Легковушка остановилась. Густой белый дым из выхлопной трубы, казалось, лишь нагнетал белое безумие, спеленавшее окрестности. Шахар бросился стремглав вслед, скользя по жиже из снега и грязи. Но равновесие сохранял.

Авто – двухдверное, на заднем сиденье почему-то два костыля. Шахар дергал за ручку правой двери, сраженный мыслью, не бредит ли он. Вместо водителя – лишь дымчатый силуэт за запотевшим стеклом, зато костыли сомнения не вызывают.

Подобной конструкции дверного запора он не встречал, все же с третьей попытки дверь подалась.

Его смутили рычаги у руля, совершенно нехарактерные для конвенционального автомобиля. Но странная машинерия – не более чем деталь, маленькая дырочка на перфокарте осмысления. Главное – перед ним весьма располагающий к себе человек: открытое, хоть и чуть ироничное лицо.

Шахар запрыгнул на пассажирское сиденье, захлопнул за собой дверь и с виноватой улыбкой стал разворачиваться. Но тут, к своему изумлению, открыл, что правая нога водителя ампутирована до колена, и тот, с явной опаской в лице, замер. Как несложно было догадаться, не ожидая столь бесцеремонного вторжения без спросу.

Виноватая улыбка обратилась в глуповатую. Шахара вновь потревожила мысль, не сыграло ли с ним злую шутку, вызвав химерические видения, ненастье. Между тем, кроме как упрямый сосед из этой промозглой, фантазмагорической пустоши вывезти, иной альтернативы – вернуться на тропу задания – не предвиделось.

– Ты что, с того автобуса? – обратился к Шахару астронавт модуля на колесах, внешне чем-то напоминавшего луноход. По крайней мере, в восприятии пришельца из теплых, не ведающих снежных фата-морган краев.

– Да-да... – сбивчиво подтвердил Шахар.

– Тогда вылезай! – скомандовал одноногий, после чего, чуть смягчившись, разъяснил: – Здороваться, может, научишься...

Шахар уставился на пульт ручного управления, подумав, что освоить его – дело плевое. Помимо традиционной схемы «сцепление-передача-газ-тормоз», – никаких премудростей, за минуту разберется. Однако выбрасывать безногого в кювет не то что ни в какие ворота – рука не поднимется, притом что скольких на уровне рефлекса доводилось...

Случалось, правда, в Европе, где дорожная полиция – всего лишь заржавевшая табличка на двери истеблишмента, отдавшего пол-общества на откуп страховщикам. Здесь же, в России, дорожный полицейский чуть ли не каждом перекрестке. И впрямь страна-тюрьма. Хорошо хоть, что без паспорта билеты на железнодорожный и автобусный транспорт отпускают.

– Брат, дарагой, извыны! – залебезил вольный толкователь норм автостопа. – Холодно, беда...

Водитель внимательно оглядел Шахара, спросил:

– А ты как здесь оказался? Ваш брат автобусами не ездит...

– Сломался автобус... – открестился Шахар, не разобравшись с контекстом «ваш брат». Развел руками, но спустя мгновение постиг: подразумевается грузинский акцент, им задействованный.

– Тебе куда? – осведомился автомобилист.

– Владымыр, – сообщил Шахар, вновь уставившись на рычаги.

– Я – в Покров. Если хочешь, до поста ГАИ подвезу. Выручу, так и быть.

Смысл «ГАИ» Шахару внушил еще «дедушка Калинин» в Тель-Авиве, так что, прочитав аббревиатуру на первом пригородном посту, «кустанаец» усмехнулся. Ныне, тем не менее, задумался, но не надолго. Полез в боковой карман пальто и, повозившись, извлек две двадцатипятирублевые банкноты. Протянул их соседу со словами:

– Владымыр, дарагой, памагы. Очэнь нужно.

– Ты что, русского не понимаешь? Сказал ведь: до поста ГАИ! – возмутился безногий, отстраняя протянутую руку. Но тотчас осекся: замышленную, почти у речевого бойка, фразу «Здесь тебе не Грузия» как бы приморозило. Рука прищельца не поддалась, будто его плечевой сустав неподвижен.

Тем временем прищелец улыбался, заискивающе глядя на водителя и решая весьма любопытную задачу. Официальный обменный курс советского рубля был известен ему издавна. Статус агента спецпоручений «Моссада» требовал широкой эрудиции и непрерывного совершенствования так называемого «походного минимума» или, иными словами, социоэкономических основ базирования шпиона. Соотношение валют – один из его немаловажных компонентов. При этом Шахар знал, что официальный курс рубля 0.6 за доллар – не более чем показатель для межбанковских расчетов. Как «Калинин», так и Розенберг, вручивший ему сегодня утром две банковские упаковки четверных, успели разъяснить, что курс рубля к доллару на черном рынке – в десятки раз дороже. Тем не менее, определяя на вскидку мзду за подвоз, он неосознанно оттолкнулся от «выставочного курса» в пересчете на приблизительный тариф, который бы отстучал счетчик такси в Европе, – где-то восемьдесят долларов. Но поскольку он рассчитывался не валютой, а рублями, то по курсу черного рынка предложил не бог весть что.

Между тем жесткая реакция визави подсказывала: деньги здесь ни при чем. Так что мелькнувшее предположение – удвоить куш он осадил в зародыше: не заскочить бы в собственные силки.

– Послюшай, – заговорил Шахар, в упор глядя на самого необычного автомобилиста, с которым когда-либо сталкивался, – не можешь Владымыр, нэ беда. Едь к остановка автобус. Если мало дэнги, скажи – я добавлять. Сколько сказать, столько добавлять. Но нэ будь злой, выдышь погода какая. Хочэш, что я здэсь умер?

– Вот народ, чуть что, умер! – запричитал автомобилист. – *Мы* раньше скопытимся, а *вы* жировать будете. Мандарины, цветочки, Сухуми-Батуми... – Он запнулся, насутился, после чего нехотя молвил: – Ладно, до автостанции Киржача довезу.

Откуда-то позади донесся крик – Шахар с автомобилистом в недоумении переглянулись. Спустя секунду-другую – новое послание, будто «ждите», и тембр голоса – женский.

Обитатели модуля обернулись и всматривались в мохнатую пелерину, казалось, ставшую и вовсе непроницаемой – точно безразмерная овечья шуба-ширма раскаталась из небес.

Вдруг ее пронзила крона елки. Замелькали руки, ноги и... чем-то знакомые Шахару котомки. Но в центре мельтешащей, надвигающейся композиции – ель. Шахар тотчас вспомнил: среди багажа его рейса замечался и этот атрибут.

– Это кто еще?! – пророкотал автомобилист. – С твоего автобуса? Да что б вас...

Проступили округлости женской фигуры, чуть позже румяные щеки – композиция одушевилась: на всех парах несется миловидная женщина лет тридцати. В одной руке две котомки, а во второй, подмышкой, – небольшая ель.

Тут Шахара охватило занятное состояние – конфликт жесткой выучки и проснувшегося в нем романтика, оппонирующего искусственной надстройке. Ему одновременно хотелось, чтобы молодуха куда-то подевалась, и... приголубить раскрасневшиеся, нежного овала щечки или, по меньшей мере, затаив дыхание, ими любоваться. Между тем, с позиций ремесла, ситуация диктовала: любой попутчик ему сейчас поперек горла, едва удалось автомобилиста уломать. Кроме того, секретный агент – безнадежный одиночка, для одного любой непродуктивный контакт – обуза.

Тем временем румяная девуля поравнялась с авто и, побросав пожитки с елкой в снег, потянулась к двери. Шахар нажал на рычаг – дверь отворилась. Но прежде обратился к хозяину: «Открывать»?

– Куда денешься... – посетовал, вздохнув, тот.

– Вы во Владимир?! Подбросите?! – протараторила девуля, пробившись через учащенное дыхание.

Рассредоточенный внезапным замутнением цели Шахар отметил по себя «Во Владимир» и... еще больше заметался – уже как профессионал, вне всякой романтики. На уровне инстинкта прорезалось: «Ты, так или иначе, выберешься, но во Владимире, где кости бросишь? Отель-то тебе, без паспорта, не грозит».

И к этим румяным щечкам с ямочками так и подмывало прикоснуться...

– Еще одна... – скорее фыркнул, нежели вымолвил водитель. – Как и первый, не здоровается.

– Я разве?... – запнулась краснощекая. По резкому обрыву голоса, казалось, – не от смущения, а разглядев, наконец, культу хозяина авто. Растерянно потупилась.

– Во Владимир – нет, но до автостанции тебя, краю, подброшу, – изъяснился, оборвав неловкую паузу, автомобилист. – Только... с елкой можешь попрощаться.

– Как? Я Витьке обещала, из Москвы везу – особая она... – Голос и очи девули увлажнились.

– Вот, пусть Витька тебя и везет! – посоветовал хозяин модуля. – И вообще, гоните сюда весь автобус. Мне костыли в руки – и толкай всю честную компанию. До Владимира самого!

Напустив на себя лик профессиональной сводни, Шахар вкрадчиво обратился:

– Дарагой, послушай, какая проблэма?

– Это у вас проблема, друзья-нахлебники! Елку мне куда? В карман? – взорвался, указывая куда-то, в сторону обочины, автомобилист.

Шахар выглянул из авто и, уткнувшись взглядом в ель, сообразил, из-за чего весь сырбор.

– Дэрэво можно в багаж – савсэм маленький, – как можно деликатнее призвал к компромиссу «кустанаец».

– У меня там все под завязку, понимаешь? Да и по-любому не влезет! – Автомобилист с невыразимой тоской в лице отмахнулся. Будто его невосполнимый изъян – все, что от него осталось.

Шахар взглянул на склонившуюся, внимающуюся каждому слову девулю с трогательной, прилипшей ко лбу челкой, после чего перевел взгляд на автомобилиста, вдруг осунувшегося и, казалось, заскочившего в колдобину личной драмы.

– Давай, я тэбэ помогу, брат. Все сдэлаю, – предложил кандидат в попутчики, а может, в сочувствующие. – Дэрэво можно сгибать и... нэ расстраивайся.

Сосед промолчал, но, слегка пожав плечами, дал знать: делай, что хочешь.

Шахар проворно выбрался из авто, при этом дверь не захлопнул – оставил открытой на треть. Подхватив елку, заторопился к багажнику, которого, к его изумлению, не оказалось. На его месте, неким непостижимым образом, тархтел двигатель. Стало быть, ничего не оставалось, как предположить, что его нет вовсе, либо все происшествие – каприз взбаламученного непогодой сознания. Между тем через секунду-другую он сообразил: немислимого уродства модуль, по своей конструкции, все же стандартный легковой автомобиль. Значит, багажное отделение должно присутствовать. Ищи.

Но не успел Шахар и шага ступить, как встревожился: пока он тратит драгоценное, гремящее для его страны набатом время на сущую бессмыслицу, водитель может дать тягу. Какое тебе дело до рождественской елки, подумал он, нарушаешь золотое правило разведки: избегать путанных решений, какие бы дивиденды те не сулили.

Через приоткрытую дверь донеслось:

– Ты что, «Запорожца» никогда не видел? Для вас, буржуев, он, понятное дело, ниже достоинства, но чтобы... – Речь оборвалась.

Шахар с виноватой миной устремился вперед, без всякой подсказки вникнув, что багажник – спереди.

Оказалось, багажник и впрямь забит всякой всячиной, предназначение доброй половины которой Шахар не знал. Но вскоре «грузин-белоручка» елку все-таки пристроил, крону и ветки подогнув. Забросил котомки на переднее кресло и, препроводив девулю на заднее сиденье, уселся рядом.

Приняв на борт двух растревоженных приключением пассажиров, модуль отдал тронулся.

Добрых полчаса троица хранила молчание. Водитель по-прежнему хандрил, ну а незваные гости присматривались. В первые минуты – к навыкам вождения «оператора рычагов», а убедившись в их состоятельности, друг к другу. Властным позывом Шахара подмывало взглянуть на бесконечно милые ямочки, что украдкой он время от времени и делал.

Соседка присматривалась к Шахару по-иному. Она не косилась и, тем более, не обращала взор, а вкушала его присутствие – по-женски неброско, выдавая нежное волнение, промеж двух затертых до блеска костылей...

Рано или поздно та энергия Шахару передалась, и он сконфузился, оробел. Скорее всего, потому, что столь взаимопроникающего чувства, приумножаемого неординарной обстановкой, он прежде не испытывал. При этом отчетливо понимал, что дело не в спасенной им в елке, а в магии притяжения, коей Всевышний по своему капризу одаривает влюбленных, нивелируя извечную сутолоку обстоятельств, религиозные различия, традиции.

В какой-то момент Шахара настигло: почему девулю он ни в автобусе, ни вне его, оказавшись выброшенным на обочину, не заметил? Да, сидел спереди, осмысливая полученную от Черепанова «путевку» в город, о котором до сегодняшнего утра слыхом не слыхивал. Между тем – хотя бы в силу особой выучки, срабатывающей рефлекторно – не мог каждого входящего не запечатлеть. Чуть позже ему начало казаться, что девушка вошла в автобус через зад-

ную дверь, ненадолго открытую водителем, но почему тогда они на обочине не пересеклись? Вопрос, так и оставшийся без ответа.

При всем том Шахар то и дело делал усилия сконцентрироваться на задании, обретшем сегодня утром потенциального исполнителя и выбравшемся из чащи гипотез на уже просматриваемую, хоть и извилистую тропу. Но выходило не очень – мешали ямочки, сподобив сознание в суетный, но необыкновенно яркий калейдоскоп.

Тем временем спеленавшая галерку магия притяжения зацепила водителя-калеку, толкущего в душе черную ступу своей беды. Лики трогательной растерянности пассажиров отражались в зеркале заднего обзора, передавались в пространстве модуля и незримо. Сергей Муминов, в недавнем прошлом офицер-афганец, все чаще косился, ловя отражение попутчиков, и мелкими, но уверенными подвигками выбирался из души ненастья. Он уже не помнил, как давно в него вонзились когти приступа, но каким-то уголком сознания понимал: эта пышущая здоровьем, физической красотой и, похоже, на его глазах формируемая пара – тому причина. Его буквально сразил дикий контраст между своим увечьем, распоровшим жизнь надвое, и органичной уверенностью в себе вдруг вынырнувшего из снегопада сверстника, а чуть позже – розовощекой, переполненной соками молодухи. Сергей в одночасье осознал, что все приготовления к Новому году, придававшие последним неделям смысл, – жестокий самообман. Никакого будущего у него нет и быть не может – оно перетекло вот к таким, как пассажир, крепко стоящим на земле парням. Все, что его, некогда бравого офицера, ждет, это – тоскливый «Голубой огонек» и бередящее наутро каждую клетку похмелье. И еще – отчаяние в глазах матери, с каждым новым днем лишь нарастающее: как связать концы с концами в обнищавшей, испускающей дух стране?

Тут Муминов приоткрыл для себя, почему он на призыв голосующего остановился. Ведь в молочной буре непогоды он его едва заметил и, остановившись, даже сомневался, не помешало ли ему. Подступала тоска, в последнее время навещающая все чаще и чаще, так что с попутчиком, нечто подтолкнуло, он душу отведет.

Сейчас Муминов ни о чем не жалел. При виде где ерзающих, а где квохчущих про себя голубков его мало-помалу отпустило – набив «шишку», он ею же умиротворился. Вследствие чего решил парочку, сосватанную его драмой, до самого Владимира довезти, греясь у очага их сладостного томления. Пусть впереди холостой пробег двести километров...

– Видать, от холода речь у вас отняло, граждане пассажиры, – прозвучал бодрый голос хозяина авто. – Не тянет даже познакомиться.

Красная девица медленно повернулась к Шахару, устала в некоем призыве.

Тот, разобрав в словах Муминова лишь «холод да пассажиры», от двойного обращения смешался. Во взоре девушки, помимо неясной ссылки, прочитал и личный посыл: вижу, что нравлюсь, чего в рот воды набрал?

– Таней меня зовут, – взяла на себя инициативу знакомства девушка. Вновь взглянула на соседа с укоризной.

– Очень приятно, а меня – Сергей, – продолжил ритуал автомобилист.

Шахар зашелся в кашле, перелопачивая про себя жалкую ссобойку русских имен, ему известных. Все же сделал выбор:

– Я – Федя.

– Федя? – озадачился автомобилист. – Что-то я Федь среди грузин не встречал...

– Ты жил в Грузия, Сэргей? – Брови Шахара чуть вздернулись.

– Зачем? В моей роте кто только не служил, – пояснил Муминов. – Хватало и грузин.

– Вы военный, Сергей? – поддержала беседу Татьяна, но, как бы опомнившись, что не то брякнула, ступевалась.

– Был, как видите...

Шахар с Татьяной понимающе переглянулись, деликатно потупились. После чего «кустанаец» с негрузинским, оказалось, именем заметил:

– Ты хороший, шофер, Сэргей. Очэнь нормально ездить.

– В молодости на картинге гонял, – обозначил истоки своего мастерства Сергей.

Его манера вождения и впрямь захватывала дух – не столь спортивной сноровкой, как точностью решений. Муминов обгонял, выныривая в единственно верный момент. Кроме того, дорогу, всю в тумане, ощущал, точно на глазах бинокляры ночного видения.

– Вы, правда, водите машину здорово, – поддержала Шахара Татьяна, передав интонационно приязнь и некрикливое сострадание.

– А кем вы работаете, Таня? – осведомился обласканный попутчиками автомобилист.

– Медсестрой, – ответствовала девушка. – В хирургическом.

– Сразу видно, – чуть подумав, вывел Муминов. – Больше думаете, чем говорите. Я с медициной не понаслышке знаком – в ташкентском госпитале год провалялся. На теле живого места нет. Душманская мина...

Тут, на повороте, застопоренные под креслом костыли повалились на медсестру с изумительными, явно не пластического происхождения ямочками. Таня не успела и рот открыть, как увидела руку соседа, загородившую ее от удара. Сам он в неестественной позе застыл – что-то среднее между дыбой и распятием.

– Да брось, ты их на пол, ради бога! – крикнул водитель, едва завершив поворот. – Не мог сам догадаться? Я тоже, раззява!

Шахар бережно пристроил костыли под ногами, после чего откинулся на сиденье, утихомиривая окончания, взвихренные недавним броском. Смотрел на дорогу, переваривая постигший Татьяну поворот. Ласковый огонек симпатии, будто задули изумление и... страх. Ему казалось – из-за молниеносного, нарушившего идиллию рефлекса, стало быть, некоего отклонения от нормы. Но тут он услышал:

– Спасибо. Вы не поранились?

В ответ Шахар лишь улыбнулся и застенчиво пожал плечами. Повернулся и впервые прямо, не отводя взгляда, смотрел на Татьяну. Слов при этом не подбирал и не силился вникнуть в сказанное – его чаровало ощущение взаимности, уже совершенно очевидное.

Эпизод вызвал хотя бы к формальным любезностям, но мысли Шахара разбегались – ему не хотелось попасть с его базовым русским впросак. Так что он вновь улыбнулся, на сей раз – с каким-то грустным оттенком.

Улыбнулась и Татьяна, тоже пролив печаль, а может, некое иносказание. Переключила внимание на окрестности.

– А знаете что: довезу я вас до Владимира. Друг там у меня афганский, навещу! — нежданно-негаданно объявил Сергей. После паузы продолжил. – На бензин только скинемся. Да, Федь?

– На самом деле? Правда? – всколыхнулась Татьяна. – Не знаю даже как благодарить. Только...

– Что? – осторожно поинтересовался автомобилист.

– Денег у меня – одна мелочь. Не думала, что автобус сломается. Растрянжирила...

– Что вы на самом деле! Дамы у нас – бесплатно. А у соседа, знаю, завалылось... – успокоил Муминов, сдобрив последнюю фразу хитринкой. Повернувшись к Шахару, сориентировал: – Заправишь полный бак и мы квиты.

По словам «Владимир», «бензин», «деньги» и восторженному лику Татьяны Шахар заключил: водитель объявил пересмотр маршрута. Но, насколько он радикален, тель-авивец строить догадки не стал. Решил уточнить:

– Сэргей, ты едэш Владымыр?

– Еду-еду... – рассеянно отвечал водитель, всматриваясь в снежную пелену. – Деньги готовы – заправка скоро. Тридцать литров.

Услышав «литры», Шахар понял, что должен оплатить бензин, и это все, что от него требуется. Тут же подтвердил готовность: «Конечно, Сергей».

– Вот и договорились, – подытожил добродей.

Шахар задумался, вмиг позабыв о Татьяне – безумно аппетитном помидоре, который больше хотелось нюхать, чувственно растопырив ноздри, нежели надкусить. Что подвинуло Сергея все переиначить? Ведь он ясно выразился: его пункт следования рядом. Неужели заподозрил что-то? Одной промашки с негрузинским именем, в принципе, хватит...

Меж тем, когда модуль въезжал на заправку, Шахар склонился к выводу: был бы у Сергея камень за пазухой, он вел бы себя по-другому, скованнее что ли... И наверняка доленое участие не предлагал бы – слишком вычурно для подвоха. Однако что-то неуловимое подсказывало: резкая переориентировка продиктована контактом с пассажирами, а не чем-то сторонним, пришедшим вдруг на ум. Шахар не сомневался, что упомянутый товарищ Сергея – миф.

Тель-авивца нисколько не удивила большая очередь, расходящаяся к четырем автоматам разливки топлива. Проведя в Москве сутки, он к этому социоэкономическому феномену привык. Впрочем, Израиль семидесятых, по крайней мере, в присутственных местах, данным «индексом деловой активности» мало чем от географической родины отличался. Шахара больше занимало другое: какова процедура отпуска бензина? Само собой подразумевалось, что заправлять автомобиль ему. Не гнать же безногого в метель?

Модуль минул хвост очереди и устремился к ее голове. Шахар замечал, как автомобилисты бросают на них беспокойные, а когда остервенелые взгляды.

Сергей припарковался параллельно третьей машины от автомата и протянул Шахару замурзанные корочки.

– Покажи, чтобы пропустили.

Шахар стал рассматривать удостоверение, пытаясь вникнуть, к чему оно, но полуистершие буквы на обложке не прочитывались. Развернул и, уткнувшись в «инвалид», догадался. Кивнув Сергею, стал выбирать наружу. Захлопнув дверцу, осмотрелся и устремился к четвертому от головы очереди автомобилю, марки советских такси.

В нем – четверо мужчин явно не титульной национальности, очевидный Восток. Трое в меховых шапках, у водителя – огромная, бутафорского кроя кепка.

Он обратился к водителю, изобразив жестом: окно опусти. Тот прокрутил стеклоподъемник, высвечивая небольшой, в два-три пальца зазор, глазами на выкате уставился.

– Дарагой, дай очеэрэдь инвалид. – Тель-авивец поднес к просвету корочки Сергея.

Вопросительную мину сменило недоумение – «кепка» повернулась к ближнему компаньону, но, натолкнувшись на хлопающие зенки, вернулась в прежнее положение, вполоборота к просителю.

– Шен картвэли хар (Ты грузин)? – прокаркал водитель на незнакомом для Шахара языке и прищурился. Впрочем, не совсем чтобы: интонационная мелодия фразы чем-то тель-авивцу была знакома.

Будто прослушав вопрос, Шахар повторно сослался на корочки. Подкрепил просьбу и словами:

– Дай ехать инвалид.

– Вина хар? Дамцини? (Кто ты такой? Издеваешься?) – Исторглись новые слова, ничего общего с русским не имеющие.

Тем временем, заправившись, первый в очереди автомобиль тронулся. За ним потянулись два последующих, образуя в ряду пробел. Дав газу, «Запорожец» в него вклинился.

«Кепка» и его попутчики замахали руками, бранясь. Но на сей раз некоторые слова Шахаром узнавались – русский мат, вкрапливаемый в незнакомую тарабарщину. Тель-авивец, как ни в чем не бывало, потопал к модулю, но прежде в третий раз тыкнув «фуражке» удостоверение.

По пути к «Запорожцу» его посетила весьма странная мысль: кепка-аэродром напомнила пачку горелой мацы – в том виде, как он ее впервые увидел в Кустанае. По рассказам отца, пекли ее подпольно.

Тут Шахара осенило, что квартет из соседнего авто – грузины, принявшие его из-за акцента, хорошо имитируемого, за соплеменника. Но, поскольку на заданные по-грузински вопросы он ответить не смог, то его исковерканный на грузинский лад русский, похоже, был принят за издевку. В Тель-Авиве целый час вдалбливали грузинский акцент в преломлении русской речи, но дать прослушать непосредственно грузинский диалог забыли. Ну да ладно, и так Биренбойм выше головы прыгнул, подумал он. Правда, приземляться мне, а не ему. И, дай Бог, чтобы эпизод с «соплеменниками» наэлектризованной жестикуляцией исчерпался...

Поравнявшись с модулем, Шахар согнулся и поприветствовал спутников взмахом руки. В ответ девушка чуть пошевелила пальцами ладошки, а добродей распахнул дверь, обращаясь:

– С какого они митингуют? Ты же корочки показал!

– Все в порядке, Сэргей, – бесстрастно ответил тель-авивец, переключая внимание на окошко кассы. Вскоре он заметил, что порядок расчета – прямо противоположный европейскому: заказ – оплата – заливка. Лажа, еще с кассиршей объясняться, хорошо бы без вопросов...

Шахар чуть отошел в сторону и обратил взор на Татьяну, выказывая откровенный, чисто мужской интерес. Должно быть, не ожидав чего-то подобного, девушка отвернулась, но спустя несколько мгновений за стеклом вновь возникли ее глаза, дымчатые, от робости высвобождающиеся. Глаза женщины, на пороге сладко щемящей неизвестности.

Место у автомата опустело – затарахтев двигателем, модуль в него заполз. Шахар подтянулся вслед, извлекая на ходу пистолет из паза. Открутив крышку бензобака, подсоединился.

Он заметил, что все четыре дверцы авто «соотечественников» распахиваются. Скулы Шахара обнажились, а взор передавал маету мысли: «Как чувствовал – малым не обойдется! Восток, да еще укушенный за национальное живое, нет стихии круче. Однако почему волюнку тянули? Решали, кому мне холку намять? Не найдя добровольца, ринулись всем скопом?»

Заторопился к кассирше, но вскоре замедлил шаг, с горечью осознавая, что спешить, собственно, некуда. Окошко занято – автомобилист из параллельного маршрута расплачивается. Да и на саму заправку уйдет минут пять. Квартет же, заметил боковым зрением, стремительно приближается.

Кассирша с любопытством разглядывала Шахара, достающего деньги из кармана. Стервозный налет на ее лице, казалось, врожденный, улетучился. Украдкой даже поправила жестянку для денег, будто не до конца выдвинутую. А просунутый четвертной и вовсе ее к клиенту расположил.

– Тридцать литр, первый, – сообщил в слуховое «устройство» в виде дюжины дырочек, проделанных в витрине из плексигласа, Шахар. Для закрепления семантики, начал разворачиваться, дабы указать на автомат. На самом деле был больше озабочен месторасположением квартета, нежели старался быть понятным. На тот момент уже знал: один из «соотечественников» – совсем рядом.

Жест-подсказку тель-авивцу так и не удалось завершить. Заметив замах, Шахар резко согнулся и отскочил в сторону.

Раздался сдавленный, гортанный крик – рука «соотечественника» въехала в бетонную стену кассы.

Вторая линия атаки – изумленное неожиданным поворотом действия трио – будто от сильного порыва ветра, застыло на месте. Но спустя несколько мгновений пришло в чувство:

«кепка» бросилась к скорчившемуся от боли товарищу, после чего дуэт стал надвигаться на «пародиста», минутами ранее попутавшего аудиторию. При этом, казалось, им явно не хватает решимости. Шахар тем временем метался – между рефлекторным позывом занять боевую стойку и надобностью, ввиду неизбежных осложнений, потасовку избежать. Оттого спиной пятился, норовя сделать ноги.

– А ну, стоять! – раздался крик, озвученный командирским, без всяких истерических ноток голосом.

Сектор атаки замер и, оглянувшись увидел, что левая дверь «Запорожца» распахнута, возле нее – одноногий инвалид с костылями. На один костыль левой подмышкой опирается, а второй – зловеще вскинут.

Шахар глуповато улыбался Сергею, цепко держа квартет в поле зрения, не расслабляясь. Меж тем, спустя несколько мгновений, кураж набега резко увял. Властно распорядившись, «кепка» увела распетушившуюся команду восвояси. Возымел свое и окрик кассирши, пригрозившей по громкой связи милицией.

Вскоре модуль тронулся, оставив кассирше на чай шестнадцать рублей в виде невостребованной сдачи и горьковатый осадок у нападавших, – воевали-то, по сути, с калеккой, кому, оказалось, приятель вызвался помочь. В их традиции, один из кодов которой – акцентированное почитание старших и калек – приключившемуся места быть не могло.

По возвращении Шахара, его спутники в первые минуты молчали, огорошенные не столько инцидентом, сколько виртуозным, говорящем о спецнавыках приеме. Сергей налегал как можно быстрее убраться с места происшествия, опасаясь возможных недоразумений с блюстителями порядка, а то и с самими кавказцами, случись дурная кровь вновь ударит им в голову. Таня же переваривала очередной прием-выверт соседа, испытывая к Шахару то восхищение, то необъяснимый страх. Последнее мешало даже исполнить свой профессиональный долг – оказать герою первую медицинскую помощь. Увиливая от удара, тот ушиб о стенку ключицу и сейчас от тупой боли водил правым плечом.

Все же, несколько утихомирив сумбур, где прилежная медсестра, а где безрассудно втюрившаяся девуля обратилась:

– Позвольте, Федор, я вашу спину осмотрю. Только пальто снимите.

Шахар тут же повиновался, будто давно ждал приглашения. Между тем диагноз уже себе поставил: перелома нет, максимум – трещина. Зарастет. А вот соблазн соприкоснуться с Татьяной после взвинтившего все естество стресса переносился с трудом...

Кроме профессиональной сноровки, медсестра прочих чувств не выказала – деловито прощупала ключицу, постановив: «Трещина, немедленно к врачу».

– В поликлинику? – чуть присвистнув, забеспокоился Сергей.

– Лучше больница... – неопределенно откликнулась медсестра. Оставалось догадываться: подразумевается собственная вотчина, до которой пилить еще добрую сотню километров, или ближайшая больница? До Владимира их более чем достаточно...

– Я думаю, Федя – парень крепкий, потерпит... – дипломатично обошел ложбинку частностей Сергей.

Вскоре великолепную троицу вновь склонило к раздумьям, растащив по дорогам и весям, оказалось, кое-где перекликающейся судьбы. Тане вспомнился Костя Турсунов, ее наваждение, безумная со школьных лет любовь, не вернувшийся с неведомо какой войны. Одно не вызывало сомнений – не афганской, поскольку его призванные в Афган сверстники, выжившие или сложившие головы, так или иначе, успевали о службе в «ограниченном воинском контингенте» сообщить. Как ни странно, просветить истину мог Шахар, ибо в восемьдесят втором Турсунова разорвала, вместе с сирийским расчетом и его непосредственным командиром майором ПВО Синицыным, израильская бомба. Но просветить при одном условии: если бы вновь напряг

своего поделщика Черепанова. Израильтянам до учета чужих, да еще восьмилетней давности потерь, дела не было, притом что о советских советниках знали.

Шахар тем временем вполглаза наблюдал за Сергеем, вспоминая свой задел в афганском конфликте, искалечившем автомобилисту судьбу. Ему казалось, что вместо Сергея за рулем тот самый безусый старлей, которого он вместе с коллегой из ЦРУ в восемьдесят шестом допрашивал.

Кому-то в Лэнгли пришла в голову необычная, но не лишенная изобретательности мысль: зачем для моджахедов выбивать в Конгрессе ассигнования и доставлять оружие за тридевять земель? Куда проще советские военные склады на месте потрошить. Тут Шахара и призвали как сотрудника дружественной спецслужбы, знающего русский.

Нельзя не отметить, что старлей возник в прицеле спецслужб неспроста – полгода выменивал у афганцев за военную униформу марихуану, основательно к наркотику пристрастившись. Между тем, попав под пресс профессионалов, держался стойко – не помогали ни пытки ни посулы мешка дармовой травки. Все же «сыворотка правды» развязала ему язык – план охраны склада Шахар рваными кусками вытащил.

До назначенного на два ночи штурма мозговой центр операции решил пленного придержать, колеблясь «списать» или обратить в перевертыша. Но тут тугой узел выбора расковырял сам пленный, причем в самом прямом смысле: вскрыл ржавым гвоздем вены, как только очухался от «сыворотки».

Склад моджахеды захватили, но поживились не очень, вследствие чего в Лэнгли решили, что делать ставку на пиратские вылазки не стоит – тактика с весьма мутной перспективой. К тому же, проглотив горькую пилюлю, русские удвоили охрану аналогичных объектов.

Нахлынувшее озадачило Шахара: отказ Сергея от мзды за подвоз, равной двухнедельной зарплате, его безрассудная решимость вступить в бой на заправке, и отчаянный уход из жизни старлея – тождественные признаки русского национального характера, ничего общего с ходульной идеологией большевизма не имеющие. Так что русские, вывел он, нация воинов, но движимая не поживой, а чувством собственного достоинства.

Почему в стряпне племен Творец распорядился именно так, завывсив у русских нравственную планку, или, наоборот, приглушив у них инстинкт самосохранения, Шахара не интересовало, ибо, несмотря на многогранность своей природы, он в первую голову – практик. А вся героика заняла его лишь потому, что он держал свой путь не экскурсии по знаменитым владимирским достопримечательностям ради, а дабы одного из граждан Владимира завербовать. Причем не столько склонить к предательству – на тот момент о национальные интересы государства-группа кто только не вытирал ноги – сколько принудить добровольно отдать себя на съедение волкам. В разное время обретенный, но убедительный опыт подсказывал: вполне вероятно, что предстоящий фигурант столь же неустрашим и неподкупен, как Сергей. Стало быть, впереди очередной, но пока укрытый за снежным туманом костыль...

Сергей в эти минуты про себя облизывался, смакуя интригу полного откровений путешествия, по большей мере, им сотворенного. При этом первоначальную аттракцию – таинство набухающего, точно почка вербы, чувства взаимности усилил новый, обнажившийся в том же скрещении сюрприз. Муминова вдруг посетило, что Федор подражает грузину, ни в коей мере им не являясь.

Все бы ничего, если бы хоть какое-то известное Сергею социо-этническое клише псевдогрузину подходило. Он излучал как дивную естественность и склонность к компромиссам, малохарактерные для советских людей, так и жесткий нрав, то тут то там пробивающийся. И еще: странный симбиоз венчала, чуть поблескивая, чисто восточная хитринка, запавшая Муминову в память от общения с афганцами. Федора отличал некий присущий каждому движению «прищур».

Образ интриговал, но скованное обручами советизма воображение, препарировав загадку «Кто ты, Федор?», буксовало. В общем, артист бродячего театра с выдвижными бивнями мамонта, в конце концов вывел для себя Муминов, и краешками губ улыбнулся.

Вплоть до въезда во Владимир в модуле часто звучал смех. На правах хозяина, а скорее, одинокого, истосковавшегося по живому общению калеки, автомобилист развлекал публику. Друг на дружку нанизывались смешные истории об опыте его общения с медициной, мало-понятные для Шахара, зато веселившие Татьяну. Смеялся за компанию и тель-авивец, чутко откликаясь на реакцию соседки. Дабы не походить на бэк-вокал, вкраплял обтекаемые комментарии: «Молодэц, Сэргэй!», «Надо же!», «Какой случай!» Когда больничная эпопея забрела в Афганистан, Шахар притих, настороженно вслушиваясь.

– Не хуже ли вам, Федор? – всполошилась медсестра, уловив перемену в настроении спутника.

– Все нормально... – невнятно проговорил «Федор», наостривший уши едва прозвучало «Кандагар». В восемьдесят шестом, в платье феллаха, он вдоль и поперек облазил этот город, изучая расположение советских войск. Ныне же обеспокоился, не опознал ли его каким-то образом Сергей.

В городской черте Муминов стал уточнять, в какую больницу «мистерию с прищуром» доставить.

– Дарагой, ты слишком много сдэлал. Остановы самый близкий остановка такси, – отмел благие намерения «сослуживца» Шахар.

Автомобилист возражал, норовя высмотреть в зеркале лицо Татьяны, почему-то проглотившей язык, словно ее заключение – показаться врачу – уловка, отпавшая за ненужностью. Шахар при этом стоял на своем, то и дело посматривая на часы.

– Да бог с вами! – махнул с досадой автомобилист. Кто такие «вы», оставалось догадываться...

– Нэ расстраивайся, Сэргэй, – подбодрил Муминова Шахар, выбравшись с Таней, ее котомками и елкой из модуля на стоянке такси. – И будь крэпким, как на войне. – Шахар сжал кулак, казалось, в цеховом приветствии.

Глава 6

30 декабря 1990 г. 17:45 Приемная гл. инженера «Владимироблэнерго» С. П. Талызина

Секретарша Галина не находила себе места: тяжело вздыхала, поправляла прическу, бессмысленно перекладывала папки на столе. Секретарше казалось, будто все ее недруги – как реальные, так и гипотетические – подсмеиваются над ней, предрекая ее затее, давно вынашиваемой, фиаско.

– Он тебя ведь не любит, зачем на Новый год приглашать? – шептали недоброжелатели со всех сторон. – Нового конфуза захотела? Как тогда, затащив, точно куль, домой...

Вдруг Галина обнаружила, что в приемной совершенно незнакомый ей посетитель, выделяющийся как внешними данными, так и необычной манерой поведения. Едва взглянув на пришельца, заключила: никакого отношения не только к цеху энергетиков, но и к управленцам любого профиля он не имеет. К тому же возник он, будто чертик из табакерки, незаметно затесавшись промеж выходявших из приемной главбуха и начальника планово-экономического отдела. Визитер, как бы невзначай, пробросил фамильярное «привет» и с видом завсегдатая уселся.

Галина изрядно поморгала глазами, прежде чем спросила:

– Вы... к кому?

– Я к товарищ Талызин. – Незнакомец кивнул на оббитую черным дерматином дверь.

– Вам что, назначено? – Превозмогая оторопь, Галина потянулась к журналу аудиенций.

– Я к Семен Талызин, – точно односигнальный попка-попугай, подтвердил свой интерес визитер.

Галина несколько мгновений переваривала имя начальника, услышанное в таком сочетании впервые, после чего, само простодушие, спросила:

– Вы к нам по обмену опытом? Откуда-то из южных республик?

Незнакомец впервые с любопытством уставился на секретаршу, ибо до сих пор обозревал в приемной что угодно, только не ее – будто открыл для себя объект с некоторым опозданием.

– У мэня личный проблема, – сообщил, завершив сеанс физиогномики, визитер.

Своей беззаботной и посему обезоруживающей бесцеремонностью незнакомец не под какую категорию нештатных посетителей не подпадал, хотя и был классическим возмутителем спокойствия – не назвавшись, пробивался к самому Семену Петровичу, к кому и серьезные чины ожидают приема неделями. Между тем у Галины не возникало и малейшего намека на протест, притом что вторжение грозило порушить ее взлелеянное, так трудно давшееся решение – пригласить шефа на совместное празднование Нового года. Аудиенция начальника Ленинской теплосети, последнего на сегодня посетителя, заканчивалась.

Залетный гость был статен, красив, причем, малознакомой для русской равнины красотой: черные волнистые кудри, тонкое, продолговатое лицо, орлиный нос и карие, повергающие в духоту южной ночи глаза. Но секретаршу будоражил не столь романтический фасад, как нечто необыкновенное в движениях, манере держать себя. Эдакая пума в человеческом облике: кошачья вкрадчивость, уживающаяся с ликом неустрашимого корсара. Влечение было столь сильным, что о своем первостатейном долге – верного дозорного – Галина начисто забыла: безотчетно любовалась пришельцем, ни о чем не размышляя. Ее будто обездвигил спущенный с небес ордер «Не кантовать».

Тут дверь в кабинет шефа приоткрылась, высветив спину Эдуарда Ивановича Кострюкова, директора Ленинской теплосети. Тут же донеслось: «С наступающим, Семен Петрович. Надеюсь, переживем и его...»

– Надеюсь... – ответил Талызин. – И вас с наступающим.

Грузный Кострюков с шумом ввалился в приемную и, подслеповато шурясь, двинулся к столу секретарши. «Пума» вскочила на ноги и, словно перелетев по воздуху, в мгновение ока оказалась у входа в кабинет, даже жестом или мимикой согласия у секретарши не испросив. Та не успела и рта раскрыть, как дверь за нарушителем захлопнулась.

Немая сцена затягивалась: застывший у двери в нерешительности Шахар и недоумевающий от необычного вторжения Талызин, будто необязательно рассматривали друг друга, казалось, теряясь в мыслях, что предпринимать.

Шахару хватило и полвзгляда определить, что хозяин кабинета – жертва тяжелого запоя: злые от избыточного давления глаза, раздутая, горчичного оттенка физиономия, судорожные мыслишки и конечности.

Внешне тель-авивец транслировал: туда ли я попал? На самом деле в тамбуре сомнений он не топтался, а сильно негодовал – ему остро хотелось дать Черепанову под зад. За то, что вместо тщательно подобранной кандидатуры всучил синюшного забулдыгу, способного вступать в стовор разве что с собственной совестью, опохмеляясь.

Наверное, реакция Шахара была бы иной, не столь безрассудной, если бы за двое суток ему не осточертела русская пьянь, по западным меркам, беспрецедентная. Никакого эстетического конфликта при этом он не испытывал, поскольку ему, сложившемуся на Западе индивиду, любые маргиналы глубоко безразличны. Между тем выучка налагала: любой контакт с перебранным – полная мобилизация внимания. Вот и дергался кустанаец по метрике у каждой подворотни...

Талызин, не в пример непрошеному гостю, негативом не тяготился, а с интересом, хоть и искусно камуфлируемым, за визави наблюдал. Вскоре заключил, что незаявленный посетитель не местный и даже не москвич, а какой-то гастролер из неведомых далей.

Умственное созерцание отвлекло от физического недуга – стука зубов в каждой клетке – и казалось Талызину занимательным. Однако не настолько, чтобы позволить эпизоду перетечь в нудную пантомиму.

– Вы, собственно, кто? – Ровный, интеллигентный голос мало согласовывался с внешностью спросившего, кому, на взгляд интервента, безотлагательно требовалась капельница. Как минимум, одна...

У Шахара прорвался жест-паразит, выдающий его восточные корни – приподнятый локоть с собранными в пучок тремя пальцами. Он сразу отправился к столу, избегая пересечься взглядом, оказалось, с весьма уверенным в себе пропойцей. Подошел, резко отодвинул стул, уселся, после чего уставился на Талызина.

– Нужно поговорить, Семен, – принялся изъясняться Шахар. – Но не здесь. Разговор о твоя дочь, Лариса. – Шахар умышленно отбросил грузинский маскарад, осознавая: вот он момент истины. Стало быть, в той или иной степени, суждено раскрыться. А там куда шпионская кривая выведет...

– О Ларисе? Вы кто, ее знакомый? Или... – Талызин запнулся, выкатывая бурые белки. Селектор затрещал, сигнализируя вызов приемной.

– Семен Петрович, – продрался сквозь репейник связи голос секретарши. – Проворонила я... Товарищу назначали?

Шахар резко приподнялся и, направив на Талызина палец, зловеще зашептал: «Скажи, что все нормально». Но не дождавшись отклика, перевел руку на селектор.

Взгляд Талызина проследовал за «указкой» и на ней застыл. Только виделся главному инженеру не ухоженный ноготь указательного пальца, а жест-щепота, проскользнувший у интервента минутой ранее.

Времяшавший знак Талызина буквально ошеломил, хотя и с некоторой задержкой. Сочетание сугубо ближневосточного жеста, немислимо как всплывшего в исконно русском Влади-

мире, с личиной самого носителя, бравого налетчика а-ля Джеймс Бонд, казалось столь немислимим, что тормозило все прочие манифестации чувств. Ведь Талызину, чуткому, любящему отцу, едва прозвучало имя дочери, не мешало бы, по меньшей мере, привстать...

Связь поскребла наждаком взбученные нервы гастролера и тихо, по-женски отключилась.

Шахар медленно уселся, ни на мгновение не выпуская Семена Петровича из виду. Сверившись с часами, объявил:

– Работа кончился. Скажи женщина идти домой, – указал на селектор Шахар.

Талызин потянулся к недопитому чаю, замечая краем глаза, как интервент – в ответ на его движение – сжимается в пружину. Взялся за ручку подстаканника, но пить не стал, лишь сдвинул стакан в сторону. Расслабленно закинул руку на макушку и... дважды до хруста челюстей зевнул.

– Вы кто такой, чтобы здесь распоряжаться? – осведомился «госпитальный больной», отзевавшись.

– Семен, поверь, твой интерес сделать так, как я сказал, не мой... – Размяв ладони, Шахар нарочито хрустнул костяшками. С легкой иронией глядел на Талызина, никакого превосходства, однако, не выказывая.

– Вы сами уйдете или милицию позвать? – осведомился Семен Петрович тихим голосом, придававшим словам весомость.

Шахар артистично склонил голову, мимикой лица передавая: молодец, удар держишь, но видали и не таких...

– Тебе будет очень больно, Семен, раньше чем звать милиция... – прокомментировал свой кивок интервент. – Поэтому делай, как я сказал.

Лишь на слове «больно» Талызина настигло, что пришелец – вполне земное, доходчиво изъясняющееся существо. Стало быть, воспринимай его всерьез.

Разум вмиг очистился от всяких «Бондов», восточного колорита, и главный инженер, наконец, струхнул. Нет, не за себя, а за упомянутую, вместо «здасьте», дочь. Ведь, кроме двух-трех приятелей да верного оруженосца Гали ни одной живой душе во Владимире имя Ларисы, четыре года как перебравшейся в Москву, известно не было.

Семен Петрович склонился к селектору и, нажав на клавишу, сказал:

– Галя, иди домой. Я задерживаюсь.

– Как? Я хотела... – Галина запнулась, пролив разочарование.

– Иди, Галя, поговорим завтра, – настаивал Талызин. – До свиданья.

Вскоре Талызин и интервент покидали здание «Владимироблэнерго», являя собой странный тандем. Не заявленный ни в одном из журналов учета гость с наружностью свободного художника следовал по пятам второго лица дома, время от времени о чем-то распоряжаясь. Услышав команду, главный инженер невесело усмехался, но подчинился – пришпоривал или замедлял шаг. Плотной связкой они проследовали и через проходную, приведя охранника в смятение. Еще добрую минуту тот морщил лоб, пытаясь понять, откуда взялся эскорт Талызина – среди вошедших в здание посетитель замечен не был.

– Ну а дальше куда? – осведомился Семен Петрович, открывая входную дверь.

– Дальше? В ресторан... самый лучший, – проговорил в задумчивости Шахар. Поравнявшись с Талызиным, приобнял.

– Куда?! – Семен Петрович отшатнулся, будто разжалован в посудомойки.

– В ресторан, Сергей, ресторан, – подтвердил гордый на переадресовки гастролер. – Серьезный разговор у голодный человек не получаться.

– Куда точно не поеду, так это в ресторан, – рассмеявшись, отклонил приглашение Талызин.

Шахар смутился, но вскоре в его взоре мелькнул опомнившийся всезнайка: мол, причина ясна... Розенберг успел ему разъяснить: в отличие от Запада, ресторан в России – не точка общепита или заведение для гурманов, а питейный дом с эстрадной программой и танцами.

– Тогда, поедем твой дом, – невозмутимо скомандовал Шахар, добавив вскоре: – В другом месте говорить не можем. Только обида не надо...

Талызин прищурился, сиюсья обобщить приглашение на дармовой ужин, уважительный тон последней фразы и беспардонность угроз интервента, судя по хватке, – махрового злодея либо, что более вероятно, профессионального провокатора. Но дважды контуженная голова, поурчав чуток, спасовала. Потупившись, он едва озвучил:

– Где Лариса?

– Пошли брать такси, Сергей. Когда сядем в машина, не делать глупость. Адрес твой дом я знаю, – развеял у Талызина последние иллюзии интервент.

В квартире Талызина Шахар первым делом отыскал телефон и вытащил соединительный шнур из розетки. Проверил, куда выходят окна в зале и двух спальнях, и отправился вслед за хозяином на кухню. Раздеваться меж тем не стал, лишь расстегнул пальто и просунул в карман лыжную шапочку. Пожелав Семену Петровичу приятного аппетита, вяло перелистывал журнал «Огонек», пока главный инженер трапезничал.

– Поговорим, Семен, – возвестил начало форума «Охотник-жертва» Шахар, как только Талызин налил себе чай. – Прошу слушать хорошо и вначале думать, потом говорить. Первый. Твоя дочь Лариса живет Москва, Мирский переулок дом 4, квартира 12 с твоя бывшая жена Виктория. Она жива и здорова, никакой беда с ней не случилось. Второй. Твоя мать Серафима живет в деревня Кострица, Воронежская область, она жива и здорова и никакой беда с ней тоже не случилось. Твой семья никто не хочет делать плохо до тот момент, пока ты мне помогаешь... – Монолог оборвался. Интервент пристально всматривался в лицо визави, должно быть, постигая реакцию хозяина. Но, кроме припухлостей жестокого похмелья, не высмотрел ничего. Приподнялся и, расправив примявшиеся шлицы пальто, уселся вновь. Вновь заговорил: – Дальше – главное. Ты, Семен, едешь в Багдад.

– Какой Багдад? В Ирак? – Талызин схватился за чашку и судорожно отпил, обжигая губы.

– Багдад, Семен, есть один, поэтому будь серьезный, – укорил интервент, после паузы продолжив: – Я приехал к тебя потому, что ты – один человек в Советский Союз, который имеет виза Ирак. Или почти один... Кроме того, в Ирак тебе ждут работать. Я даже знаю, что вчера ты сказал «нет» ехать туда. Сказал «нет» в третий раз, хотя тебе сильно просили.

Значит так... Завтра звонишь Москва, говоришь «да», берешь паспорт и едешь Багдад с один маленький вещь. Там ее давать один человек и твоя задание конец. Потом имеешь много денег и паспорт жить Европа. Но самое главное: у тебя будут друзья, которые тебя защищать – до самый конец жизни, – поставил жирную точку интервент. Медленно облокотился о спинку правым плечом, будто настороженно выжидая.

Тем временем Талызин маленькими глотками потягивал чаек, простецкой собранностью передавая, что его хата с краю, поскольку присутствует здесь номинально либо визитер по ошибке принял его за кого-то другого.

На самом деле Семена Петровича страдал от жажды и никакую личину на себя не напускал. Не будь напиток горячим, давно бы одним залпом чашку опорожнил. Горло сподобилось в пенку еще в такси, когда, забираясь в салон, он на тротуаре в снежной жиже поскользнулся. Тотчас металлическим зажимом в руку впиалась кисть эскорта, восстанавливая у поднадзорного равновесие. Хват был настолько неумолим, что соблазн призвать подмогу, покалывавший то и дело, мгновенно испарился.

Талызин допил чай, вновь протянулся к чайнику.

– У нас мало время, если не хочешь, чтобы я звонил о твоя дочь в Москва... – предостерег Шахар,

Семен Петрович поднес ладонь ко лбу, сообщая, что нечто запамятовал.

– Послушайте! – воскликнул он. – Какой я раззява: ужинать не пригласил! Глазунью сделать?

Гастролер непроизвольно сглотнул и воровато взглянул на хлебницу, прощаясь с образом инквизитора на стреме. Он метался между приступом голода, вдруг нахлынувшего, – с шести утра ни маковой росинки во рту – и лихорадочным осмыслением, какие каверзы за предложением Талызина кроются. Радущия, не говоря уже хлебосольства, при общении со своими многочисленными объектами им прежде не замечалось.

– А почему ты, Семен, вопросы не задавать? – спросил Шахар, так и не разобравшись. – Тебе все понятно? Я плохо по-русски говорить...

– Для чего? Ясно как белый день. Только... – Талызин осекся, оставив оппонента в неведении почему: из-за того, что в марлевой упаковке, извлеченной из холодильника, главный инженер обнаружил крохотный кусочек сала, или переосмыслил ультиматум?

– Вот это не надо! – Шахар указал на сало. – Я лучше хлеб кушать.

Тут гастролера словно приподняло за шкуру: такого грубого промаха он давно не совершал. Свинину не едят лишь мусульмане и евреи. Подставился.

– Простите, виноват. Знаете, моя вина. Мог бы и догадаться... – сокрушался Семен Петрович. – Я на постном масле поджарю. Мигом.

– О чем ты догадаться, Семен? – насторожился Шахар, внешне напоминая птицу, унюхавшую среди бесполезного мусора единственное зернышко.

– О том, уважаемый, – Талызин вздохнул, – что заявили вы откуда-то из Ближнего Востока, а скорее, из Израиля. Не заметь я это, посчитал бы вас сумасшедшим. Так что меня вы больше заинтриговали, нежели взяли на испуг. В вашем регионе я год отбыл и этот жест помню, – Семен Петрович изобразил жест-щепоту, усмехаясь.

Разоблаченный гастролер виновато взглянул на Талызина, после чего перевел взор на хлебницу.

– Конечно, конечно! И масло возьмите. – Семен Петрович придвинул масленку и нарезанный батон.

Скоро Шахар уплетал «бутерброд развитого социализма», прописавшийся в свое время повседневным ингредиентом меню и у другой нации первопроходцев – израильтян. Тем временем у гастролера хрустели не только скулы, но и его кудрявые извилины. Когда же Шахар заморил червячка, то заключил: никакой мудреной ловушки Черепанов, скорее всего, не выстраивает. В озвученном утром досье главного инженера гэбист, наряду с прочими сведениями, сообщил, что объект уже бывал в Ираке. «Все же откуда проницательность такая? Явный перебор. И беглого взгляда на местную прессу хватит, чтобы понять, насколько та куца информационно. Иракский кризис, ныне – добрая половина газетных полос на Западе – у советской масс-медиа на задворках», – размышлял гастролер.

Шахар потянулся было за добавкой, но передумал. Посчитал, что прозорливость будет истолкована неверно: будто получив под дых, гость не может оправиться.

– Большое спасибо, Семен! Но что ты думать о мой идея? – не стал затягивать тайм-аут в виде перекуса Шахар.

– Хотя бы имя свое назвали... – сетовал, нахмурившись, Талызин. – И, кажется, слабо представляете, что такое Советский Союз.

Шахар погримасничал, передавая противоречивую совокупность эмоций – от горечи несбывшихся надежд до напускного сострадания. Потер даже нос.

– Зато *ты*, – возразил гастролер, в душе поковырявшись, – не знаешь, как просто забрать у человек жизнь. Стоит она меньше, чем этот хлеб, когда профессионал имеет задание... –

Шахар стряхнул со стола крошки в подставленную ладонь. Рассмотрев, высыпал на столешницу обратно.

– Может, расскажите подробнее? – хмуро предложил Талызин, прикипев взглядом к крошкам.

– Что это подробнее? – уточнил Шахар, хотя и подспудно уловил, что объект в схему встраивается.

– Детали вашей затеи. Кому это нужно и почему... Кроме того: что отвезти? – пояснил, уже обреченно, Семен Петрович.

Гастролер задумался, казалось, испытывая трудности выбора. Вдруг резко встал, обошел стул и руками на спинку облокотился. Но на Талызина не смотрел, тербил свои длинные, не раз травмированный пальцы.

– Слушай меня внимательно, Семен, – решил наконец Шахар, поднимая взор. – Завтра в девять ты звонишь Москва – скажешь «хорошо». В тринадцать часов, когда перерыв, мы встречаемся возле магазин, против твоя работа. Через час после встреча я знать, позвонил ты или нет. Если порядок, я говорю детали. Сейчас могу сказать только это: то, что ты в Ирак везти, нужно очень многим людям. Простым, хорошим людям – таким, как ты, Семен... – Шахар прервался, задумавшись. – Поэтому не думай, что я – гангстер. Но другой выход, кроме сделать тебе и твой семья страшно, у меня нет...

– Вы хоть осознаете, – взорвался Семен Петрович, – куда меня толкаете?! Во-первых, под американские бомбы, которые со дня на день повалятся на Ирак. Во-вторых, на измену Родине, пусть неявно, но поддерживающую Саддама. Есть в-третьих и в-четвертых, пальцев не хватит! Одним словом, в добровольную петлю! Теперь скажите, а какой смысл? В деньгах на памятник самоубийце, в кого вы меня прочите, или в паспорте, который мне незачем. Разве что гербарий хранить!

– Не так быстро, Семен, – перебил гастролер, морщась. – Говори медленно и простые слова. Но главное не в этом...

– А в чем?

– Ты сказал «измена родина»... Только почему в Ирак *первой* тебя родина послать? Думаешь, родина об американские бомбы не знают? Или, думаешь, тебя отправлять в Кувейт, чтобы его от Ирак освободить, доброе дело делать. Тебя отправлять в Ирак, чтобы убийца Саддам мог пережить война. Для них ты хороший специалист. Когда станции электричества взрываются, ты должен помогать, чтобы был свет. Помогать убийца, который убил много невинные люди и еще будет убить.

– Ой, не надо громких слов, наслушался на своем веку! *Вы* чем лучше? Готовы невинных дочь и мать... – Талызин отчаянно махнул рукой, пасуя облечь в слова не выговариваемое.

Шахар стал слегка раскачивать стул, сообщая некое послание, полное недобрых аллюзий. Но, вдруг застыв, аккуратно задвинул стул под стол. Одел шапочку, приладил шарф и, застегивая пальто, тронулся на выход. Талызин провожал его изумленным взглядом, даже челюсть слегка отвисла. Между тем в дверном проеме, повернувшись к Семену Петровичу вполоборота, Шахар остановился.

– У меня нет что-то другое тебе говорить... Жду завтра в тринадцать, но раньше я тебе звонить. Скажи твой женщина: меня Федор зовут. Чтобы сразу тебя дала. И запомни две вещи: больше не пей водка и не иди в милиция. Тебе и твоей семье совет...

Глава 7

30 декабря 1990 года 21:45 ул. Социалистическая 45, г. Владимир

Таня копошилась над кроной елки, обихаживая каждую веточку, а то и бугорок. Хлопотное занятие было в радость, будто ее руками возвращается к жизни увядший цветок. Но главное – возвращало в стремнину бросавшего то в жар, то в холод приключения, сотворившегося сегодня на Московском шоссе.

Где-то по бровке ощущений скользил роковой Костя, но уже не наваждением, как прежде, а материнской грустью по загубленной смолу, не познавшей даже женщины судьбе. Зато в эпицентре медсестру кружило – в дивном танце вдохновения, потеснившем Костю, пыхтящие нуждой времена. Ее партнер – из укывшейся за снежной пелериной сказки, оттого лишь распалюющей воображение. Образ, ей казалось, поселившийся в цветнике чувств надолго.

Простых черт, но подкупающий угловатой влюбленностью Костя проник в сердце, когда взял на себя даже не ее вину, а Тамары, ее ближайшей подруги, ненароком раздавившей памятную ручку математички. В мирке прыщавого ябедничества эта жертва настолько сразила, что верный оруженосец был возведен в ранг потенциального жениха, а Костина скорая, окутанная тайной гибель, его и вовсе обожествила.

Больше застенчивые рыцари Тане не встречались, и она довольствовалась запаянной в цинковый гроб одиночества мечтой. Храня ей верность, даже ребенка родила от врача-интерна, укатившего в родную Москву в неведении об отцовстве.

Ворвавшийся сегодня с черного входа рыцарь, как и Костя, исчез, оставив после себя, словно комета, огненный хвост восхищения и загадки. Четырьмя часами ранее на остановке такси они соприкасались контурами тел, млея от влечения. Но даже взяться за руки не решились. И трепетное целомудрие, окружавшее Костин образ, перекинулось на нового, в отличие от предшественника, воистину былинного героя из какой-то отнюдь не напомаженной бриолином латиноамериканской сказки.

Пришелец, с рефлексам каратиста и внешностью сердцеда, обволакиваемой милой застенчивостью, опечалился, не получив от нее номер телефона. Казалось, он впервые слышит, что телефона в квартире может и не быть, стало быть, сомневается в ее искренности. Не развеял его сомнения и предложенный взамен домашний адрес.

Загадочную экстерриториальность персонажа выдавало и многое другое. В первую очередь, какой-то случайный, без привязки к общеизвестным реалиям русский язык. Общась с ней и водителем, Таня замечала, Федор осмысливает скорее понятия, нежели слова. Лишь завидная пронизательность да актерство поддерживали видимость полноценного общения. Но, как и Сергей, разгадать, кто Федор такой, Таня не могла. Впрочем, и не задумывалась особо: он пришел, увидел, победил, освободив от застаревшего, пошедшего побегам седины комплекса. Только за одно это Таня была ему благодарна.

Заметив, что Федор мечется между жгучей страстью и какой-то неотложной задачей, отказываясь наотрез показаться врачу, настояла, чтобы он первым уехал на такси. Ей, чувственной фаталистке, так было комфортнее. То, что у них с заезжим героем ничего не завяжется, вещим, глубинным чувством постигла еще в «Запорожье».

Звонок в дверь, хоть и длиннее обычного, Таню не встревожил. Зина, за майонезом, подумала она. Открывая дверь, хотела было соседку отчитать, но тут показалось знакомое плечо и... профиль Федора, самый что ни на есть материальный.

Таня запахнула халат, ежась. Выдавить из себя хоть слово или произвести иное действие в нехитром диапазоне «отстегнуть цепочку – захлопнуть дверь» она не могла.

– Здравствуй, Таня, – молвил былинный герой, обещаний навестить не дававший.

Таня запахнулась еще сильнее, передернув плечи. Губа вздрогнула, выказав волнение, если не панику.

– Мне нужен твоя помощь, – продолжил интервент женских душ с не самым притягательным для дам прозвищем «Старик».

– Да-да... – пробормотала Таня, почему-то вспомнив, что, садясь в такси, Федор не прощался. Лишь запечатлел ее долгим, страдальческим взглядом. Зачем здоровался?

Одной рукой Таня потянулась к цепочке, в то время как второй – придерживала створки халата, перехваченного на талии поясом и, казалось, совсем не разъезжающегося. Отворив дверь, едва заметным поворотом головы пригласила войти.

Между тем «Старик» пересекать порог не торопился, лишь шапочку снял.

– Ты одна? – осведомился гость.

– Витька спит... – неопределенно отозвалась Таня, будто речь идет о кошке или о палатном больном. После чего шепотом отчитала: – Говори тише, разбудишь. На кухню проходи.

С некоторой задержкой Шахар вспомнил, что о «Витьке» при посадке в модуль он уже слышал, но тогда, в лихорадке момента, непонятное словцо ни с чем или кем не соотнес. Должно быть, сын, повезло, подумал он.

– К врачу ходил? – спросила Таня, закрывая за поздним визитером дверь.

– Врач потом... – рассеянно ответил Шахар, уже свыкнувшийся с ноющей болью в лопатке.

На кухне, у обеденного стола, гость перебирал руками шапочку, не зная куда ее да и самого себя деть. Топчась у двери, в схожем провисе обреталась и Татьяна. Могло показаться, что пару разделяет ров непримиримых обид, который преодолеть не суждено. Меж тем все обстояло иначе: в прибое огромного нахлынувшего чувства они, точно потерялись, размагнитившись от смущения.

– Ты выглядишь уставшая, Таня. Извини, что мешать тебе... – в конце концов, нашелся сильный пол.

Вдруг на Таню обрушилось: тот ли это мужчина, в которого она безрассудно с первого взгляда влюбилась? Не плод ли он фантазии? В какой раз меняет ипостась! У автобуса, когда все спешили, мычал, отчаянно вращая глазами, будто получил коленом в пах, в «Запорожце», уже не сомневалась, имитировал грузинский акцент, ныне же изъясняется по-иному. Адрес зачем давала? В лучшем случае, проходимец.

Таня с опаской взглянула на хамелеона и... сгрудившиеся страхи как бы расступились. Просеку заполонил застенчивый, до предела вымотанный странник, с трудом переносящий боль, бесконечно одинокий. Ей захотелось скитальца обогреть или, на худой конец, погладить место ушиба, но куда сильнее – по-бабьи млеть в поле его глаз, без рельефа, меж и горизонта. Очей, втирающих целительное масло в плоть, каждую его клетку...

Еще какое-то время Таня сладостно «тонула», после чего робко подалась к страннику, оказалось, навстречу.

Безумные лобзанья, которыми «Старик» долго покрывал ее лицо, шею и укрытую за байкой грудь забросили Таню в раскочанный до предела гамак, обратив естество в податливое тесто. Ни мысли, ни почвы под ногами, не за что ухватиться...

Наконец она «приземлилась», обнаружив себя сидящей на коленях весьма умелого ухажера. Любовники, сдавшие экзамен прелюдии, лоб в лоб, тяжело, но сладостно дышали.

– Сними пальто, я осмотрю лопатку, – распорядилась сквозь учащенное дыхание где вернувшаяся в брентную реальность хозяйка, а где дипломированная медсестра.

В ответ – лишь хаотично мигающие очи и расфокусированный взор. Таня сгладила тик двумя емкими, вбирающими в себя глазные яблоки поцелуями, после чего с завораживающей настоятельностью прошептала: «Сни-май». Соскочила с колен и потянула за отворот пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.